

СТАРИКЪ ГОРЮ.

РОМАНЪ,

СОЧИНЕНІЕ БАЛЪЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. СМЕРНОВА.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Января 20 дня 1859 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Смигиревъ.*

Право сего оригинала принадлежитъ въ книгопродавцамъ: Кузнецову и Романкихову.

СТАРИКЪЪ ГОРГО.

—

Госпожа Воке льшь уже сорокъ живешъ въ Парижъ въ новой улицъ Св. Женевьевы, между Лапинскимъ кварталомъ и предмѣспвиемъ Сень-Марсо, и всегда пускала къ себъ жильцовъ на хлѣбы. Домъ ея спонпъ на нижнемъ концъ улицы, въ помъ мѣспъ, гдѣ начинается спускъ, и спускъ шакой крушой, чпо по немъ рѣдко ѣздящъ: это чрезвычай-

но благопріятствуетъ пишинѣ, царствующей въ узкихъ, пѣсныхъ улицахъ, сдавленныхъ между куполомъ Валь-де-Грасъ и куполомъ Пантеона. Тамъ мостовая суха; въ канавкахъ нѣтъ ни воды, ни грязи; вдоль улицъ расшестъ справа; человеку, самому безпечному, тамъ какъ-то неловко: прохожіе скучны; спускъ кареты — происшествіе необычайное; дома печальны; ошъ спѣнь пахнетъ шорьюю. Тамъ шолько и естъ госпитальныя, да учебныя заведенія; бѣднось и скука; спарось умирающая и веселая юность, живущая взаперти и принужденная работашъ. Во всемъ Парижѣ нѣтъ кваршала хуже и неизвѣстнѣе этого. Улица Св. Женевьевы похожа на мѣдную раму,—единственную раму приличную моему разсказу, къ кошерому долженъ я приготошлять чашашелей идеями печальными,

помышленіями важными. Такъ именно свѣтъ ослабѣваетъ и тѣніе проводника дѣлается печальнѣе по мѣрѣ того, какъ вы спускаетесь въ кашакомбы. Сравненіе приличное: кшо рѣшишь, что прискорбиѣ видѣть: пусные черепы, или сердца изсушенныя.

Надъ дверьми этого дома находишся надпись:» Г-жи Воке; кваршира и споль для обоихъ половъ и прочихъ.» Подлѣ дома есть садикъ, состоящій изъ двухъ липовыхъ аллей, между копорыми насажены капуста и аршишоки. Позади дома есть дворъ, шириною фушовъ въ двадцать, на копоромъ мирно живутъ свины, куры и кролики. Въ нижнемъ этажѣ есть зала, пріемная, госпиная, все, что вамъ угодно; нѣчто весьма неприятное, нечистос, убранное поломанною мебелью и издающее запахъ,

кошораго изобразить невозможно, кошорый мы назовемъ запахомъ жнльцовъ на хлѣбахъ: тупъ холодно, сыро, пахнетъ гнилью, обѣдомъ, кухнею, богадѣльнею. Но эта зала еще прелестнѣ въ сравненіи съ слѣдующей за нею споловой, украшенной большимъ круглымъ столомъ и старыми мисками, чашками, пѣнками шарелками, блюдами, подносами. Чтобы выразить, какъ это все спаро, худо, испрескано, переломано, испаскано запачкано, надобно было бы сослаться длинное описаніе, кошорое замедлило бы интересъ моей исторіи, а этого шоропливые люди мнѣ бы не простили. Тупъ царшвуетъ нищета, холодная и непоэтическая; нищета бережливая, печальная, безъ грязи, но не безъ пыли; безъ дыръ и лохмотьевъ, но пресшарая и совершенно изношенная.

Эта комната бываешь во всемъ своемъ блескѣ, когда часовъ въ семь утра кошъ Г-жи Воке, предшесивуя госпожѣ своей, вскакиваешь на буфенъ, понохаешь молоко въ кринкахъ, прикрытыхъ парелками, и ласково мурлычешь. За кошомъ являеиця хозяйка, въ сѣровапомъ шиловомъ чепчикѣ, изъ подѣ кошораго выглядываютъ фальшивыя волосы, не совсѣмъ прямо надѣвныя; она идетъ, шмыгая по полу сваливающимися туфлями. Ея старое, лоснящееся лице, ея носъ съ поклопомъ, пухлыя красныя руки, шуловище раздушое какъ у кладбищной крысы, плаиье вездѣ висящее, нигдѣ порядочно не подвязанное, совершенно гармонируютъ съ комнатою. Но щеки ея свѣжи какъ первый осеннй морозъ, и морщинованыя уши сохраняютъ поспояищую гримасу, — ииично среднее между

должноспною улыбкою панцовщицы и суровою миною росповщика, считающаго полученные проценпы. Однимъ словомъ, вся особа Г-жи Воке ясно показываешъ, что у ней должны бышь жильцы на хлѣбахъ.

Госпожа Воке походила на всѣхъ женщинъ, копорья испытали много несчастій: она смотрѣла на людей въ спекловашья глаза, и имѣла невинный видъ всеобщей угодницы, копорая обижаешся, чшобы ей по дороже заплачили, и гопова на всѣ низоспи для поправленія судьбы своей; впрочемъ добрая женщина, по словамъ жильцовъ, копорые слыша, что она кашляешъ и жалуешся не хуже ихъ, думали, что у ней ничего нѣшь. Но кшо же былъ Г. Воке? Объ эпомъ она никогда не говорила. Такъ онъ лишился своего соспоянiя? Разными

несчастіями! говорила она. Онъ съ нею послунилъ очень дурно: оспавилъ ей только глаза для слезъ, домъ для жишья, да право не соболъзновашъ ни какому злополучію, пошому что она сама спрадала въ жизнь свою шакъ, какъ шелько можно спрадашъ!

Кромъ семи посшоянныхъ жильцовъ, занимавшихъ небольшія и нечисшья комнашы въ разныхъ эшажахъ дома, къ ней хаживали семь или восемь спуденшовъ Правъ и Медицины и шрое сосвдей, — всъ только обѣдашъ. Ушромъ, къ завшраку, бывали шущъ шелько семеро жильцовъ, и ихъ можно было бы приняшъ за одно семейштво. Всякой приходилъ въ споловую въ халашъ, въ шуфляхъ, и въ пріашельскомъ кругу позволялъ себъ дѣлашъ разныя веселыя замѣчанія. Они были любим-

цами Г-жи Воке, копорая съ почтенною гаспронома размъряла имъ свою учшивоспъ и угодливоспъ по суммъ, копорую они плащили. По вообще, жалкое зрѣлище внушренности дома отражалось и на лицахъ не только поспоянныхъ жильцовъ, но и приходящихъ. Мужчины были въ сюртукахъ, копорыхъ цвѣтъ сдѣлался загадочнымъ; въ изорванномъ бѣльѣ, во фракахъ безъ души; дамы являлись въ плащяхъ крашеныхъ и полнялыхъ, въ кружезахъ зашпопанныхъ, въ перчаткахъ, лакированныхъ употребленіемъ, въ манжкахъ рыжеватыхъ, въ шейныхъ плапкахъ съ прорѣшками. Но почти у всѣхъ шѣла были прочныя, успоившія во всѣхъ буряхъ жизни, рожи холодныя, безжизненныя и спертныя какъ монеты, изъящныя изъ употребленія;— рожи съ увядшими губами, подъ копорыми пеллрѣли

голодные зубы. То были ходячія драмы, — не пѣ драмы, кошоры играюмъ при свѣшъ лампъ, между кусками размалеванной холешны; но драмы на двухъ ногахъ и безмолвныя, драмы оледенѣлыя, драмы безпрерывныя.

Первая жилица — дѣвица Мишоно. Она была спара и слаба глазами, — всегда носила грязный зонпикъ изъ зеленой нѣкогда шафшы. Шаль ея, съ оборванною, рѣдкою бахрамою, покрывала наспоящій скелешъ, — шакъ угловапы были члены почщенной дѣвицы Мишоно. Какая же кислопа съѣла женскія формы эпого несчастнаго созданія, кошорое, очевидно, было нѣкогда хорошо и спройно? Порокъ, горе, или глупоспъ? Можешъ бышь, она слишкомъ любила? Можешъ бышь, она планишъ опврапшительною

спаросшыю за пылкую юность, жадно пожиравшую удовольствія? Опъ бѣлаго ея взгляда спановишся холодно; осунувшееся лице ея вѣчно угрожаетъ паденіемъ. Голосъ ея походилъ на пискъ кузнечика, кошорый спрекоченгъ подъ кустомъ, чуя приближающуюся зиму.

Вшорой жилецъ — Г-нъ Пуаре. То былъ родъ щепки, кошорая часпо ходила гуляшь въ Бопанической садъ. На головѣ у него всегда былъ спарый, измяпый барпузь, въ рукѣ пророспъ съ пожелпѣлымъ коспянымъ набалдащникомъ; фалды его испасканнаго сюршука едва прикрывали исподнее плашье, почши пустое; ноги его болпались въ синихъ чулкахъ; бѣлый жилешъ былъ всегда запачканъ, и жабо изъ полсшой кисеи не совсемъ плошно сходилось съ галшукомъ, скрученнымъ веревкою

вокругъ гусиной шеи. Глядя на эту шѣнь, скользящую по аллеямъ сада, многіе спрашивали себя: какіе же пруды могли до такой спешени разпрясти, и сперѣшь этого чело-вѣка? Какая спрасъ подернула кори-чевымъ цвѣшомъ его пупырисшое лице, кошорое показалось бы невоз-можнымъ въ природѣ, еслибъ вы увидали его на карриканпурѣ? Чѣмъ былъ эшотъ чело-вѣкъ? Вѣрояшно, однимъ изъ шѣхъ людей, на кошорыхъ вершяшся общеспвенныя нечисшоты и злополучія; однимъ изъ шѣхъ людей, о кошорыхъ невольнo гово-римъ.—Надобно же и шагихъ!

Двѣ другія фигуры, — шоже изъ жильцовъ, — сосшавляли разшительную прошивоцожностъ съ прочими оби-шашелями и съ приходящими. Не-сшопря на болѣзненную блѣдностъ и бѣдный, жалкій видъ, лице дѣвицы

Викпорины Тальферъ было не старо, движенія ея казались легки и живы; по было несчастіе еще юное, — молоденькое деревцо, пересаженное въ несвойственную ему почву и начинающее увядать. Ея рыжеватая фізіономія, ея красновато — русые волосы, ея слишкомъ тонкій спанъ были не безъ пріятности. Простыя, дешевыя плашья покрывали еще не успаръвшія ея формы. Въ нищенствѣ она казалась недурною; въ счастьи была бы очень хорошенькою. Ей недоставало того, что довершаетъ, пересоздаетъ женщину, — блестящихъ пряжекъ и любовныхъ записокъ. Исторія ея оставила бы цѣлую книгу. Отецъ имѣлъ нѣкоторыя причины не признавать ея, не хотѣлъ держать ее въ своемъ домѣ, давалъ ей только шесть сотъ франковъ въ годъ, и принималъ мѣры, чтобы оставивъ все свое имѣніе одному

своему сыну. Г-жа Кушоръ, бѣдная дальняя родственница Викторины, жившая на хлѣбахъ въ эшомъ домѣ, и числившаяся вдовою комиссара Французской Республики, взяла сиротку на свои руки, и не клась объ ней какъ о дочери. Отъ всегда были вмѣстѣ. Ни Г-жа Кушоръ, ни Г-жа Воке, ея пріятельница, не находили въ лекціонѣ ругательства довольно словъ для посрамленія безчеловѣчнаго опца; а когда онѣ проклинали вдвоемъ эпого негодяя миліонщика, Викторина его защищала.

Пятымъ жидецъ былъ Г. Евгеній Распильякъ, молодой человекъ, пріѣхавшій изъ окрестностей Ангулема въ Парижъ учиться правамъ и выполнить деспія надежды своихъ родителей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, ко-

шорые , имѣя только три или четыре тысячи дохода , лишали себя даже нужнаго , чтобы давали ему тысячу двѣсти франковъ въ годъ. Евгенийъ Распашьякъ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей , которые заранее разсчитываютъ употребленіе своихъ познаній ; горящъ желаніемъ успѣховъ въ свѣтѣ , имѣющъ нужную для этого дерзость , и благовременно применяющъ къ предстоящимъ судьбамъ общества , чтобы первымъ выдавливалъ изъ него для себя пользу. Какъ ни бѣденъ Распашьякъ , но повѣрше , что онъ вопрется въ гостиныя , и даже будетъ въ нихъ ошличаться , потому что онъ одаренъ проницательностію , которая въ минушу угадываетъ чужія тайны , и самопадѣянностію , необходимою для того , чтобы глупцы васъ уважали. Лице у него блое , совер-

шенно полуденное; волосы у него черные, глаза голубые. Опъ красавчикъ. Видъ его, манеры, всё пѣлодвиженія, показываютъ, что онъ изъ дворянъ, сынъ хорошихъ родителей, и жилъ въ порядочномъ домѣ. Онъ бережливъ на платье: дома донашиваетъ онъ прошлогоднее, и вы всегда застанете его въ шаромъ сюршукъ, въ дрянномъ жилетѣ, въ черномъ, испасканномъ и дурно завязанномъ плащѣ на шеѣ, какъ обыкновенно бываетъ у студентовъ, и въ сапогахъ съ заплашками; за то онъ иногда можетъ выходить одѣтый какъ щеголь. Распиньякъ смѣшливый малый.

Сорока - лѣтній Г. Вопренъ составлялъ переходъ отъ молодыхъ жильцовъ къ старымъ. Онъ былъ одинъ изъ щѣхъ людей, о кошо-

рыхъ мужики говорятъ : — «экой молодчина!» Плечи широкія, грудь высокая, мускулы выдавшіеся, руки шолспыя, широкія, съ пучками рыжихъ волосъ, и густыя, крашенныя бакенбарды. Лице его, покрытое преждевременными морщинами, было сурово; обхожденіе напрошивъ учтиво и вкрадчиво. Онъ говорилъ густымъ басомъ, любилъ хохотать и былъ человекъ весьма услужливый. Если какой-нибудь замокъ испортился, онъ тотчасъ оповѣститъ его, осмоитъ, поправитъ, смажетъ и приладитъ, приговаривая: «Дѣло мастера боится!» Этому человекъ все зналъ, — корабли, море, Францію, чужіе края, дѣла, людей, событія, законы, гостиницы и тюрьмы. Правы его сосноянъ въ томъ, что послѣ завтрака онъ уходилъ со двора, приходилъ къ обѣду, вечеромъ

опяпъ опсправлялся, и возвращался не прежде полуночи, пользуясь особымъ ключемъ, котораго Г-жа Воке ему ввѣрила. Большой пріятель съ Г-жею Воке, онъ звалъ ее мамушкой, и иногда даже обнималъ: у одного шолько Вошрена руки были довольно длинны, чшобы обвитья вокругъ ея пышнаго спана! Всѣ они имѣли старыя расченны съ судьбою; но ни одинъ изъ нихъ не принималъ на себя пруда повѣришь, истинны ли несчассія, на кошорья другой жалуется. Они взаимно пишали другъ къ другу равнодушіе и недовѣрчизость, порождаемая ихъ общимъ положеніемъ. Подобно старымъ супругамъ, имъ нечего было говорить другъ другу; между ними существовали шолько сношенія жизни механической, игра колесъ несмазанныхъ. Всѣ могли проходить на улицѣ,

не оспанавливаясь, мимо слѣпаго нищаго, и слушаешь хладнокровно описаніе злополучій; всѣ видѣли въ смерти рѣшеніе прудной задачи, и пошому ужаснѣйшая кончина ни сколько ихъ не шрогала. Счастливейшая изъ энихъ скорбныхъ душъ была, безъ сомнѣнія, Г-жа Воке, царспвовавшая въ эпоху вольной богадѣльнѣ, въ кошорой бѣдные люди лечились очень дешево отъ хронической болѣзни, называемой жизнію.

Подобное собраніе должно было предспавлять, и дѣйсшвишельно предспавляло, въ маломъ видѣ цѣлое общеспво. Въ числѣ осмнадцати чсловѣкъ, изъ кошорыхъ оно сосшояло, необходимо долженспвовало бышь, какъ и въ свѣшѣ, какое—нибудь жалкое сущеспво, служившее цѣлью насмѣшекъ. Въ домѣ Г-жи Воке

эша учаспъ пала на Г. Горіо , котораго обыкновенно звали »старикъ Горіо.« Ошчего же эшо презрѣніе , эшо преслѣдованіе, эшо не уваженіе къ несчастію обрушилось именно на самага старшаго изъ жильцевъ Г-жи Воке?

Старикъ Горіо , бывшій купецъ , чѣловѣкъ лѣтъ шестидесяти девяти, опказавшись въ 1814 году опъ дѣль, поселился въ домъ Г-жи Воке. Опъ сначала нанялъ комнашы , которыя послѣ взяла Г-жа Купюръ, и плашилъ тысячу шесть сошь франковъ въ годъ. Опъ шогда былъ хорошо одѣтъ, и послъ золотую табакерку; у него былъ золотой , кофейный приборъ съ горлицами на крышкахъ ; а въ сундукахъ еще серебро. У Г-жи Воке разбѣгались глаза, когда она помогала ему вынимать и раскладывать по мѣспамъ

ложки, соусники, уксусники, б.пода, копорыя всѣ вмѣстѣ соснавлили нѣсколько пудовъ серебра, и копорыхъ онъ не хотѣлъ продать, пошому что это были все подарки, напоминашіе ему разныя пріятныя случаи въ его домашней жизни.

Г-жа Воке увидѣла также своимъ сорочьимъ глазомъ нѣсколько государственныхъ облигацій, и, подводя имъ приблизительный итогъ, рассчитала, что у него должно быть отъ осьми до десяти тысячъ дохода. Съ этого дня Г-жа Воке, копорой въ то время спукнуло уже сорокъ восемь, хотя она признавалась только въ тридцати девяти, возымѣла на него намѣренія, и нашла, что онъ недурень и довольно пріятень. Она увѣрена была, что Горіо долженъ быть человекъ спраелный, способный рас-

прашишь весь умъ въ чувствѣ. Волосы его, завиваемые и пудримые ежедневно парикмахеромъ, очень красиво располагались вокругъ лица. Правда, что онъ былъ немножко просповашъ,— но онъ одѣвался шакъ щегольски, нюхалъ шабакъ шакъ величаво изъ золотой своей шабакерки, что въ пошъ день, какъ онъ у ней поселился, она лежала въ поспели, вся горѣла желаніемъ сдѣлаться изъ Г-жи Воке Г-жею Горіо. У нея, кромѣ дома, былъ еще никому неизвѣстный капиталъ тысячъ въ сорокъ, собранный по крошкѣ.

— А что касается до прочаго, то я, конечно его спою! сказала она, поворачиваясь на другой бокъ.

Съ тѣхъ поръ, ровно при мѣсяца, Г-жа Воке щцашельно занималась

своимъ шуалепомъ ; всякой день причесывалась, даже улучшила свой споль; словомъ, дѣлала все на свѣ-штѣ, чшобы поправиться Г-пу Горіо. Наконецъ , надобно было прѣсшупишь къ дѣлу. Она опправила къ нему парламеншеромъ одну почшенную даму, жившую въ шо время у ней въ домѣ. Та начала пышашь его въ свою пользу; но не добившись шолку, объявила, чшо опъ него не будешь никакого проку, и, къ довершенію предапельства, на другой день ускользнула изъ дома , нѣ заплашивъ за споль и за кварширу. Эшо несчастное происшествіе преврашило любовь Г-жи Воке въ ненависть. Мелкіе умы удовлетворяюшь своимъ чувствованіямъ , дурнымъ и хорошимъ , непрерывными мелочами, и Г-жа Воке упошребила всю женскую свою хипросшь на скрышое прѣслѣдованіе Горіо.

Сначала она опмѣнила все излишнее въ содержаніи своего жильца. По Горіо былъ человекъ воздержный: бережливосць, необходима для нѣхъ, кошорые сами соспавляютъ себѣ соснояніе, обратилась у него въ привычку, и супъ, кусоць мяса, блюдо овощей соспавляли любимый обѣдъ его. По эшому Г-жа Воке не находила ни какихъ средствъ мучить его кухонными пунями: съ досады, она начала унижать его въ глазахъ другихъ жильцевъ, сообщила имъ опшращеніе свое къ нему, и нѣ, для забавы, помогали ей въ ея мщеніи.

Къ концу перваго года недовѣрчивосць Г-жи Воке дошла до того, что она спала спрашивать себя, опъ чего порядочный кунецъ, имѣющій семь или восемь тысячъ дохода, человекъ, у кошораго есць

серебро и золошья вещи, живешъ у ней, и плашнншъ ей шакъ мало по своему соспояннію. По несчаснію, къ концу вшораго года, Горіо еще увеличилъ ея подозрѣнія, изъявивъ желаніе перейши въ шрепій этажъ, въ другую кварширу, чшобы плашнншъ шолько шысячу двѣспи франковъ. Онъ началъ шакъ эконошнчашъ, чшо зимою не шощлъ у себя камина. Г-жа Воке, изъ предшнорѣжностш, попрсбовала, чшобы онъ плашнлъ впередъ; Г. Горіо согласилъ, но съ шѣхъ поръ она опшяла у него шшшулъ господина, и сшала звашъ его Старикъ Горіо.

Тущъ началшсь всеобщія догадки, опъ чего Горіо шакъ обѣднѣлъ, чѣмъ былъ онъ прежде, чѣмъ занимается шеперь, а между шѣмъ каждый изъ жшльцевъ, въ веселый часъ, шущилъ надъ ншмъ; въ доса-

дѣ, изливаль на него желчь свою. Вѣрояннѣйшимъ казалось всему почтенному обществу мнѣніе Г-жи Воке. Она полагала, что эгоистъ человекъ, который прежде ей такъ нравился, просто старый негодяй, развратникъ, и вопль на чемъ основывала она свои предположенія. Однажды, рано утромъ, она услышала на лѣспницѣ шорохъ шелкового плащя, шелестъ легкихъ шаговъ женщины, пробравшейся къ Горіо, котораго дверь догадливо ошворилась. Вслѣдъ за тѣмъ полская Сильвія, — я забылъ сказать, что у Г-жи Воке была полская кухарка Сильвія, и полскій рабочий Хрисмофоръ, — полская Сильвія пришла сказать хозяйкѣ, что дѣвушка, слишкомъ хорошенькая, чтобы быть честною, одѣта какъ богиня, въ пріонелевыхъ башмачкахъ, ни сколько незагрязнен-

ныхъ , скользнула какъ угорь съ улицы къ ней въ кухню , и спросила , гдѣ живешь Г. Горіо. Г-жа Воке и кухарка спали на караулѣ у дверей Горіо , и подслушали нѣсколько нѣжностей. А когда Горіо пошелъ провожая свою гостью , Сильвія схватила корзинку , и пришворилась , будто идешь на рынокъ.

—Ну, сударыня! сказала она возрадившись: видно онъ черповски богатъ , что имѣетъ такія связи. Вообразите , что на углу сшояла богатая карета , въ которой она и уѣхала.

За обѣдомъ Г-жа Воке вспала , подбѣжала къ окну , и задернула занавѣсъ , чтобы защитить Горіо отъ солнца.

— Солнце васъ такъ и ищетъ : видно красавицы васъ любящъ! ска-

зала она, намѣкая на гостыю. Не-
чего сказаць, вкусъ у васъ хорошъ!
Она очень мила.

—Эшо дочь моя, сказала Горіо
съ гордостію, въ кошорой жильцы
увидѣли только желаніе стараго
волокины сохраниць приличія.

Съ мѣсяць спустя послѣ этого,
у Горіо опять была постѣпитель-
ница. Та самая дочь, кошорая была
въ первый разъ въ упреннемъ на-
рядѣ, пріѣхала теперь послѣ объ-
да, и жильцы, сидѣвшіе ещѣ въ
споловой, увидѣли хорошенькую
блондинку, поненькую, нѣжненькую,
и слишкомъ важную, чшобы быль
дочерью какого — нибудь Горіо.

—Вошь и двѣ, сказала полская
Сильвія, не узнавь ее.

Черезъ нѣсколько дней послѣ по-
го дѣвушка высокая, черноволосая,

съ блестящими глазами, приходила тоже къ Горіо.

—Вошь и при, сказала Сильвія.

Эпо вшорая дочь, прїѣзжавшая въ первый разъ ушромъ, прїѣхала попомъ вечеромъ, въ бальномъ плашьѣ.

—Вошь ужъ чешвершая, сказала Сильвія и Г-жа Воке, не узнавъ въ эшой дамѣ женщины, одѣшой просто, по ушреннему.

Горіо плашилъ еще тогда полторы тысячи франковъ за свое содержаніе. Г-жѣ Воке казалось очень напуральнымъ, что у богатаго чловѣка ешь чешыре любовницы, и она удивлялась хипросши, съ кошорою выдавалъ онъ ихъ за дочерей своихъ. И она ни сколько не

обижалась шѣмъ, что онъ прѣзжающъ въ ея домъ. Но эти посещения объяснили Г-жѣ Воке равнодушіе Горіо къ ней, и, въ началѣ вшораго года, она спала его звань старымъ негодяемъ. Поцомъ, когда жилецъ ея спустился на тысячу двѣсти франковъ, она увидѣвъ одну изъ этихъ дамъ, очель нагло спросила, водилъ-ли это въ порядочныхъ домахъ. Горіо опвѣчалъ, что это старшая его дочь.

— Да развѣ у васъ припцалъ шесть дочерей? сказала Г-жа Воке съ досадою.

— Только двѣ, опвѣчалъ онъ со смиреніемъ чловѣка, который начинаетъ привыкать къ униженію бѣдности.

Къ концу прешьяго года, Горіо еще сократилъ свои издержки, пе-

решель въ четвертый эпажъ, и спалъ - плашишь Г-жѣ Воке уже только семьдесятъ франковъ въ мѣсяць. Онъ переспалъ шохашъ табакъ, отказалъ свсему парикмахеру, и уже не пудрился. Когда Горіо явился въ первый разъ безъ пудры, Г-жа Воке вскрикнула ошъ удивленія приздѣ его сѣдыхъ волосъ, нечесныхъ и зеленыхъ. Физиономія его, которую тайныя печали дѣлали всякой день гореснѣе, была самая жалкая: съ шѣхъ поръ нишо уже не сомнѣвался въ шомъ, что такое Горіо. Всякой зналъ навѣрное, что онъ старый негодяй; что наружность его только искусствомъ медика была предохраняема ошъ разрушительнаго дѣйсвія лекарствъ, которыхъ пребовали его болѣзни; что опврашительный цвѣтъ волосъ его происходилъ ошъ его излишесствъ и ошъ разныхъ сладобій,

копорья принималъ онъ для поддержанія силъ своихъ. Физическое и нравственное соспоянiе бѣднаго спарика подавало поводъ ко всей этой болшовнѣ. У него было прекрасное бѣлье, но оно изнашивалось, и онъ замѣнилъ его толстымъ холстомъ. Брильянты его, золотая табакерка, цѣпочка, перстни, все это понемногу исчезало. Онъ перешелъ носить фраки изъ тонкаго сукна, и надѣлъ самый простой сюртукъ. Онъ поспешенно худѣлъ, нбры его спали, раздутое лице, изображавшее мѣщанское благосостоянiе, покрылось множествомъ морщинъ, лобъ нахмурился, челюсть выдалась. На четвертомъ году своего пребыванiя въ домъ Г-жи Воке, онъ уже самъ на себя не походилъ. Добрый шестидесяти — двухъ — лѣтний купецъ, казавшiйся не старѣе сорока, толстый и дюжiй мѣщанинъ, ло-

снившійся опъ глупоспи и смѣшившій проходящихъ своею довольною миною, сдѣлался семидесятилѣтнимъ спарикомъ, дряхлымъ, хилымъ, убишымъ. Глаза его, прежде споль живые, пошемнѣли и ввалились. Одному онъ казался опвращишельнымъ, другому жалкимъ.

Однажды послѣ обѣда, Г-жа Воке спросила его насмѣшливымъ пономъ, и сомнѣваясь въ пономъ, что у него дѣйствительно еспь дочери.

— Чшо жъ! Ваши дочки ужъ не пріѣзжаюшъ?

Горіо вздрогнулъ, какъ-будто допронулись до него раскаленнымъ желѣзомъ.

— Иногда пріѣзжаюшъ, сказалъ онъ пренеціющимъ голосомъ.

— А! такъ вы еще не опіспали
опъ нихъ, вскричали объдавшіе съ
нимъ студены. Славно! славно!

Онъ не слыхалъ насмѣшекъ, воз-
бужденныхъ его опвѣсомъ, и сно-
ва впалъ въ задумчивость, кошо-
рую поверхностные наблюдатели
принимали за слѣдствіе шупоумія.

Если-бы у него были такія бо-
гатыя дочери, говорила Г-жа Воке,
то онъ, конечно, не жилъ-бы у
меня въ чепверпомъ этажѣ за
семьдесятъ франковъ въ мѣсяць. И
всѣ были согласны съ нею. Жиль-
цы и приходящіе рѣшили, что у
старика Горіо никогда не было ни
жены, ни дочерей, что онъ ста-
рый плутъ, оглупѣлый опъ изли-
шесствъ и развращенной жизни. Въ
концѣ Ноября 1819 въ этомъ ни-
кто уже и не сомнѣвался.

Евгеній Распиньякъ возвратился однажды домой въ расположеніи духа, извѣспномъ всякому молодому человѣку съ сдарованіями и шѣмъ, кошорымъ запруднишельное положеніе придаетъ иногда качесство людей избранныхъ. Онъ уже выдержалъ экзамень на степень кандидаша Правъ. Мечпы первой юности, идеи провинціальныя въ немъ исчезали. Расширившійся умъ, возбужденное чесполобіе показали ему тогда всю бѣдность родительскаго дома, всю нищету семейсва, соспоявшаго изъ опца, мапери, двухъ малолѣпныхъ брапьевъ, двухъ сесперъ и шешки, кормившихся доходомъ съ маленькой деревушки. Распиньякъ, доходомъ невѣрнымъ, какъ всѣ деревенскіе доходы, проспиравшимся шолько до шрехъ или чешырехъ тысячъ франковъ, изъ кошорыхъ надобно было удѣлить

тысячу двѣсти на его содержаніе. Евгений чувствовалъ, что однимъ ученьемъ далеко онъ не увидишь; смѣкнулъ, какое вліяніе имѣютъ на общество женщины, и хотѣлъ въперѣшься въ свѣтъ, чтобы пріобрѣсти ихъ покровительство. И не ужели же молодой человекъ оспроумный, пылкій, красивый собою, не найдетъ покровительницъ? Въ этой мысли, онъ написалъ къ шешкѣ своей, Г-жѣ Марсильянъ, которая нѣкогда имѣла пріѣздъ ко двору и водилась съ знапью. Онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у ней въ Парижѣ какихъ-нибудь родственныѣхъ связей, которыя можно было бы возобновить. Старушка пораспрясла свое инсологическое дерево, ища людей, которые бы могли бытъ полезны ея плѣмяннику: по ея соображеніямъ, изъ себялюбиваго народа богашой родни, всѣхъ еговорчивѣе должна бытъ викон-

песса Босеанъ. Она написала къ ней письмо стариннымъ слогомъ; Евгенийъ опправиль эшо письмо къ молодой Г-жѣ Босеанъ; молодая Г-жа Босеанъ опвѣчала ему пригласительнымъ билешомъ на завпрешній балъ.

Распивьякъ рано опправилься шуда и возврапился домой въ полночь. Чшобы вознаградишь пошерянное время, онъ рѣшился просидѣшь за работою всю ночь. Не принимаясь еще за свои учебныя книги, онъ началъ мечшашь. Виконшесса Босеанъ была одна изъ прекрасѣйшихъ и самыхъ модныхъ женщинъ въ Парижѣ; домъ ея считался пріятнѣйшимъ во всемъ Сень Жерменьскомъ предмѣстїи. Благодаря своей пешкѣ, старой Г-жѣ Марсиньянъ, онъ, бѣдный студентъ, принялъ въ эшомъ домѣ: эшо былъ почи

дипломъ на знатное происхожденіе; это давало ему право быть вездѣ. Ослѣпленный блескомъ бала, онъ едва успѣлъ обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Виконшессою, но опмичилъ у ней одну изъ шѣхъ женщинъ, копорья въ минушу пльняющъ молодаго челоуѣка. Графиня Анастасія Респо, высокая роспомъ и спройная, славилаь шѣмъ, что у ней была одна изъ самыхъ лучшихъ шалій во всемъ Парижѣ. Формы ея были круглы и полны, Женщина породистая! говорилъ объ ней маркизъ Ронкероль. Заводская лошадь, женщина породистая, *cheval de pur sang, femme de race*, — эти выраженія начинали уже замѣняшь прежніе термины — диво, прелесшь, чудо, и прочая. Для Распниьяка, копорый не зналъ еще этого моднаго діалекта, Анастасія Респо была просто женщина об-

ворожипельная. Ему удалось понасть въ списокъ танцоровъ, кошорыхъ имена записаны были на ея опахалъ; и онъ сказалъ ей во время кадрили, съ пою сндою спрасши, кошорая шабъ нравилса женщинамъ:

—Гдѣ можно васъ видѣшь, сударыня?

—Вездѣ; на гуляньѣ, въ театръ, у меня дома.

Предпримчивый Ангулемецъ познакомился съ Г-жею Респо, сколько можешъ молодой человекъ съ женщиною познакомисься, въ одну кадрили. Выдавъ себя за родспвенника Виконшессы Босеанъ, онъ былъ приглашенъ въ домъ, и, по послѣдней улыбка Анаспаси, почель визитъ свой необходимымъ.

Сидя за книгою и, между-тѣмъ, мечтая о счастіи, ожидавшемъ его въ большемъ свѣтѣ, Евгенийъ вдругъ услышалъ жалобный вздохъ. Онъ вышелъ въ корридоръ, и увидѣлъ подъ дверью спарика Горіо черпугу свѣта. Онъ подумалъ, что сосѣдь его, можетъ-быть, нездоровъ, и приложилъ глазъ къ замочной щелочкѣ; но шутъ увидѣлъ нѣчто такое, что для пользы общества онъ почелъ нужнымъ наблюдать съ должнымъ вниманіемъ. Горіо, привязавъ къ перекладнѣ опрокинушаго стола, серебряныя вызолоченныя блюдо и суповую чашку обвивалъ ихъ канатомъ и сдвигивалъ такъ, что они сжимались въ полосы.

— Что за силачъ! сказалъ самъ себѣ Распіньякъ видя, что шопъ мять серебро какъ воскъ. Не верь ли онъ? Бышь-можешъ, онъ шольбо

пришворяешся дряхлымъ и глушцомъ,
и живешь нищимъ для того, чшобъ
лучше скрышь ремесло свое!

Онъ снова приспавиль глазъ къ
замочной скважинѣ. Горіо развер-
нулъ веревку, разоспалъ на сполъ
одѣяло, положилъ серебро свое, и
началъ его скашывать, чшобы
округлишь полосу.

— Да эшопъ чловѣкъ сильнѣ
Короля Августа! подумалъ Рас-
пиньякъ.

Горіо печально посмопрѣлъ на
свою работу, слезы на вернулись
у него на глазахъ; онъ задулъ лампу
и легъ въ постель.

— Онъ сумасшедшій! подумалъ
Евгеній.

— Бѣдняжка! сказала Горіо въ полголоса.

Услышавъ это, Распіньякъ почелъ нужнымъ молчать о своемъ опкрытіи и не обвинялъ необдуманно своего сосѣда. Онъ хотѣлъ уже уйти въ свою комнату, какъ вдругъ услышалъ шумъ, который выразилъ довольно прудно; но который неопоримо былъ производимъ двумя людьми, идущими въ чулкахъ по лѣспницѣ. Евгеній спалъ прислушиваясь, и явственнo различилъ дыханіе двухъ человекъ. Потомъ, не слышавъ ни скрипа двери, ни шаговъ, онъ вдругъ увидѣлъ легкій свѣтъ въ комнатѣ Г. Воппена.

— Сколько исписпѣвъ въ нашемъ домѣ! подумалъ Распіньякъ.

Онъ сошелъ нѣсколько спупенекъ, спалъ прислушиваясь, и его по-

разилъ звонъ золоша. Вскорѣ послѣ того, огонь былъ погашенъ, и шаги слышались снова, хотя дверь не скрипнула. Пошомъ, шумъ ослабѣлъ, по мѣрѣ того какъ эти два человека спускались по лѣстницѣ.

— Кто тамъ? закричала Г-жа Воке, отворя окно.

— Это я, мапущка! Домой иду, освѣчалъ Вопрень своимъ чистымъ басомъ.

— Спранно! сказалъ Евгеній, возвращаясь въ свою комнату, Я самъ видѣлъ, какъ Христофоръ заперъ дверь. Въ Парижѣ надобно не спать по ночамъ, чтобы знать, что вокругъ насъ дѣлается.

Отвлеченный этими небольшими приключеніями ошъ любовно—честно—

любивыхъ мечпаній, онъ снова принялся за работу но онъ былъ разсѣянъ: шо въ головѣ его мелькали подозрѣнія на счетъ Горю и Вопрена, шо являлся передъ нимъ милый образъ Г-жи Ресно, копорая казалась ему вѣспницею благополучія. Наконецъ онъ бросилъ книгу, и легъ спать. Изъ десяти ночей, обѣщанныхъ молодыми людьми работѣ, онъ проводяшъ, покрайнеймѣръ, семь во снѣ. Надобно бышъ спарше двадцати лѣшъ, чшобы просиживашъ ночи за работою.

На другое утро въ Парижѣ царшвовалъ одинъ изъ пѣхъ шумановъ, копорые за шемняютъ воздухъ шакъ хорошо, чшо люди самые шочные ошибающся на счетъ времени. Никшо не поспѣваешъ на дѣловыя свиданія; но любовныя — дѣло другое. Всякой думаешъ, чшо еще

восемь часовъ, когда скоро уже полдень. Было уже половина десятаго, а Г-жа Воке еще не вспавала. Христофоръ и Сильвія поже проспали, и сидѣли спокойно въ своей комнатѣ, попивая кофе со сливками, съплыми съ молока, пригошовленнаго для жильцевъ. Часовъ въ десятъ Г-жа Воке явилась въ свою залу, и спала спрашивашь Сильвію, какимъ образомъ Г. Вопрень могъ войши въ домъ прошлою ночью, когда дверь была уже заперта. Сильвія опвѣчала, Г-жа Воке ошибаенся, пошому что Г. Вопрень поснучался, и Христофоръ пошчасъ опперъ ему пошхоньку дверь, да свѣрхъ того она, Г-жа Воке, свѣжа сегодня какъ роза. Слѣдшвенно дѣло мигомъ было приведено въ ясность.

Вдругъ послышался голосъ Г. Вопрена, кошорый входя въ ком-

нашу, пѣль зрію изъ Іоанна Парижскаго:

Я долго по свѣту шатался,
Вездѣ, вездѣ перебываль....

— Здраспвуйше, мапушка! вскричалъ онъ, обнимая Г-жу Воке.

— Полноше, перестаньше!

— Шалунъ что ли! Ну скажише же, шалунъ! Поспойше я помогу вамъ накрыпшъ на сполъ...

То за блондинкою таскался,
То о брюнеткѣ....

Ну, видѣлъ я сегодня нѣчто очень замѣчательное!... То о брюнеткѣ я вздыхалъ.

— Что такое? спросила Г-жа Воке.

— Старикъ Горіо былъ въ половинѣ девятаго въ Дофинской улицѣ

у серебрянника , кошорый покупаетъ ломъ, галуны. Онъ продалъ ему кучу серебра, смяшаго очень недурно для челоуѣка , непривычнаго къ дѣлу.

— О ! неужели?

— Да. Я провожалъ одного пріяшеля, кошорый ошправился въ делижансѣ въ чужіе краи, и, изъ любопытства, подкараулилъ спарика Горіо. Онъ зашелъ здѣсь недалеко къ одному росповицику, Гобсеку. Вошъ челоуѣкъ- шо! Суцій Жидъ, Грекъ, Цыганъ, Армянинъ..... Эшого челоуѣка не обокрадешъ, онъ все кладешъ въ банкъ.....

— Чшо жъ Горіо дѣлаешъ?

— Дачшо! разоряешся на женщинъ. Дуралей!!

— Вошъ онъ идешъ ! сказала Сильвія.

— Хрисшофоръ! закричалъ Горіо:
поди ко мнѣ.

Хрисшофоръ пошелъ въ его комнату, и скоро попомъ вышелъ опшуда.

— Куда ты идешь! спросила Г-жа Вокé.

— Г. Горіо послалъ.

— Чшо это шакое? сказалъ Г. Вошрень, вырвавъ письмо изъ рукъ Хрисшофора.

Онъ прочелъ адресъ: »Графиня Анастасія Ресно.»

— Куда жъ ты идешь? сказалъ онъ, пропягивая письмо Хрисшофору.

— Въ Гельдерскую улицу, Миѣ вѣлно опдашь эшо самой графинѣ въ руки.

— Чшо бы шупъ шакое было? вскричалъ Вопренъ, держа письмо на свѣшъ, Банковый билешъ? Нѣшъ!

Онъ раскрылъ немножко конвершъ.

— Уплаченный вексель! Ахъ онъ бездѣльникъ!

— Пошелъ! примолвилъ онъ, положивъ широкую свою руку на голову Христофора и повернувъ его; шебъ будешъ на водку!

Сшоль былъ накрышъ; Сильвiя кипяшила сливки. Г-жа Вокé зашопляла каминъ съ помощiю Г. Вопрена, кошорый все пѣлъ: — дя долго по свѣшу шапался, вездѣ, вездѣ

перебывалъ , и прочая. Когда все было гошово, госпожа Кушюръ и дѣвица Тальферъ пришли домой.

— Откуда вы это такъ раненько? сказала хозяйка Г-жѣ Кушюръ.

— Мы были въ церкви. Мы идемъ сегодня къ Г. Тальферу.

— Бѣдняжка, она дрожишь какъ мохъ! сказала Г-жа Кушюръ, подсѣвъ къ камину и подспавивъ къ огню подошву башмаковъ своихъ, которые задымилась.

— Погрѣйшесь же, Викпорина сказала Г-жа Вокé.

— Хорошо, что вы спараетесь смягчить сердце вашего башюшки, сказалъ Вопрень, подавая спуль. Но этого мало: вамъ надобенъ

пріяшель, кóпорый бы взялся вы-
сказашь всю правду эшому неумолли-
мому человѣку, у котораго. при
милліона и который не даешь вамъ
приданого. А нынче безъ приданого
замужъ не выйдешь.

— Бѣдняжка, сказала Г-жа Вокé.
Повѣрьте мнѣ, моя милая, опецъ
вашъ самъ на себя накликаешь не-
счасіе.

При эсихъ словахъ у Вишорины
навернулись слезы, а Г-жа Вокé осша-
новилась.

— Еслибъ онъ шолько пущилъ
насъ къ себѣ! Еслибъ я могла по-
говорить съ нимъ, ондашь ему по-
слѣднее письмо покойной маменьки.
Я не смѣла послать его по почтѣ:
онъ знаешь мою руку.....

— О бѣдныя, несчастныя и угнетѣнныя женщины! вскричалъ Вопренъ: такъ эпого-то вамъ только надобно? Поспойше, скоро я примусь за ваше дѣло, и тогда все пойдешъ инымъ порядкомъ.

— О, сударь! вскричала Викшорина, бросивъ пламенный и умоляющій взглядъ на Вопрена, котораго эпо ни сколько не пронуло: о, если вамъ случится видѣшь моего бапюшку, скажите ему, что его любовь и честь маменьки дороже для меня всѣхъ богатствъ на свѣтѣ! Если вамъ удастся его умилоштивить, то моя благодарносшь.....

— Я долго по свѣту шашался, запѣлъ Г. Вопренъ.

Въ эпо минушу Горю, дѣвица Мишоно и Г. Пуаре вошли въ ком-

нашу, привлеченные запахомъ вчерашней баранины, копорую Сильвія приготошила къ завпраку. Только-что они усѣлись, какъ вошелъ и Распиньякъ; онъ раскланялся и помѣспился подлѣ Горіо.

— Какое спранное приключеніе со мной случилось! сказалъ онъ, накладывая себѣ баранины и опрѣзывая ломоть хлѣба, съ копораго Г-жа Вокé не спускала глазъ. Вчера я былъ на балѣ у виконшессы Босеанъ, моей родспвенницы; домъ у ней великолѣпный; комнаты обишы шелковою маперією; балъ былъ чудесный, и я веселился какъ нельзя болѣе. Тамъ я видѣлъ одну графиню... прелеспная женщина! На головѣ у ней были цвѣшы, въ рукахъ букетъ прелеспнѣйшихъ натуральныхъ цвѣшовъ..... Вы не можете вообразить, что за женщина!....

Особенно когда она танцуетъ. И представыте себѣ: теперь я иду по улицѣ, смопрю,—она пробирается пѣшкомъ. О, какъ у меня забилось сердце! Я думалъ.....

— Чшо она шла сюда? спросилъ Вопрень. Нѣшъ: она шла къ ростовцику Гобсеку. Поройшесь—ка въ сердцахъ Парижскихъ красавицъ: вы всегда найдете шамъ сначала ростовцика, а потомъ уже любовника. Вашу графиню зовутъ Анастасія Ресно; она живешъ въ Гельдерской улицѣ.

При эпомъ имени Распиньякъ приспально посмопрѣлъ на Вопрена; старикъ Горіо, быспро приподнявъ голову, бросилъ на разговаривающихъ свѣсплый, но безпокойный взглядъ, изумившій все почтенное общеспво.

— Хриспофоръ опоздаешъ ! Такъ видно она уже была шамъ , вскричалъ онъ печально.

— Я угадалъ ! э?.... сказалъ Вопрень, нагнувшись къ уху Г-жи Вокé.

Горіо ѣлъ машинально, не зная, что ѣсть ; и никогда не казался онъ шоль задумчивымъ и одурѣлымъ.

— Кой чоршъ сказалъ вамъ ея имя ? спросилъ Евгеній Вопрена.

— Ба ! господинъ Горіо знаешъ же его : почему жъ и мнѣ не знашь ?

— Господинъ Горіо ! закричалъ Распиньякъ.

— Что ? сказалъ бѣдный спарикъ. Такъ она была прекрасна вчера ?

— Кто она?

— Госпожа Ресто!

— Поглядише-ка, поглядише, какъ у него глаза разгорѣлись, сказала Г-жа Вокé на ухо Вопрену.

— Все ясно, какъ день, шепнула дѣвица Мишоно Евгенію.

— О, чудно хороша! сказалъ Распіньякъ, на кошораго Горіо сморѣлъ съ жадностію. Не будь госпожи Босеанъ, графиня была бы царицею бала. Молодые люди только на нее и сморѣли. Я былъ двѣнадцатымъ въ спискѣ ея танцоровъ. Она не сходила съ доски. Другія женщины бѣснлись. Если кто-нибудь вчера былъ счастливъ, такъ это она. Правду говорятъ, что нынѣшъ ничего прекраснѣе корабля

подъ парусами, лошади въ галопѣ и женщины въ шанцѣ.

— Вчера на верху колеса, у герцогини или виконшессы, сказалъ Вопрень: сегодня подѣ колесомъ, у росшовца. Охъ эти Парижанки!

Лице старика Горіо, которое при словахъ Распшняка просвѣплѣло какъ солнце, сдѣлалось мрачнымъ при этомъ жестокомъ замѣчаніи Вопрена.

— Ну, гдѣ жъ ваше странное приключеніе, спросила Г-жа Вокé. Говорили вы съ нею?

— Нѣтъ, она и не видала меня! Но вы согласишесь, что встрѣпишь въ этой споронѣ, въ девяти часовъ утра, одну изъ первыхъ Парижскихъ волшебницъ, которая часа въ

два ворошилась домой съ балу, — приключеніе довольно спранные.

— Бызаешъ и спранныѣ, сказалъ Вопренъ.

Дѣвица Тальферъ почти не слушала, думая только о томъ, что хопѣла сдѣлать. Г-жа Купюръ показала ей знакомъ, что пора одѣваться, и обѣ вышли. Горіо побрелъ за ними.

— Ну что, видѣли? сказалъ Вопренъ присущесивующимъ. Ясно, что онъ разоряется для этой женщины!

— Никогда вы меня не увѣрите, вскричалъ Распнъякъ, чтобы эта прелесная женщина опдалась беззубому спарику Горіо.

— Да мы и не увѣряемъ васъ, опвѣчалъ Вопренъ. Вы еще слишкомъ

молоды, чшобы знашь Парпжъ. Современемъ, вы конечно сами увидите людей, которыхъ мы называемъ людьми со спрасшиями.....

При эшихъ словахъ дѣвица Мишно взглянула съ поняпливымъ видомъ на Вопрена, словно полковая лошадь, вздрагивающая при знакомомъ звукѣ шрубы.

— Ага! вскричалъ Вопрень: такъ и у васъ бывали спрасшишки?

Она пошупила глаза, какъ невинность, взглянувшая на спашую.

— Ну, это ужъ дѣло извѣстное, продолжалъ онъ: когда люди заберушь себѣ въ голову идею, они не опсшаюшь опъ ней. Имъ хочешся пишь шакой-шо воды, взяпой

изъ шакого-шо источника, часшо испорченной; но чшобы попишь ея, они гошovy вѣтъ пожерпивовашь. Для однихъ эшопъ источникъ игра, биржа, коллекція каршинъ или на-сѣкомыхъ, музыка; для другихъ женщина, кошорая умѣетъ имъ гошo-вить лакомства. Ешъ и шакіе, кошорымъ вы напрасно спали бы предлагашь всѣхъ женщинъ на свѣ-шѣ: они спанушъ смѣяшья надъ ними; имъ надобна одна женщина, кошорая удовлетворяетъ ихъ меч-шѣ. И часшо эша женщина ни сколько ихъ не любитъ, мушпруетъ ихъ ужасно: нужды нѣтъ, они не опешаюшъ, и въ состояніи снесши въ ломбардъ свое одѣяло, чшобы опдашь ей послѣднюю свою денеж-ку. Старикъ Горіо одинъ изъ этихъ людей. Графиня предприняла разра-бошку его, пошому чшо онъ кро-мень, — и вошъ большой свѣшѣ!

Бѣднякъ только объ ней и думаешь. Вы видите, въ своей справки онъ человекъ мерзвой; но заговорите съ нимъ объ ней, и лице его блеснишь какъ алмазь. Эту тайну разгадашь не трудно. Сегодня упрямъ онъ снесъ серебро въ ломъ, и попомъ былъ у росповщика Гобсека. Возвращаясь опшуда, онъ послалъ къ графинѣ Анастасіи Респодурака Христофора; попомъ показаль намъ адресъ письма его, а въ эпомъ письмѣ былъ уплаченный вексель. Видно, что если графиня сама шла къ росповщику, то была уже въ крайности. Старикъ Горіо узналъ объ эпомъ, и за нее поплашился. Все эшо, кажешся, ясно! Вы видите, молодой человекъ, что въ эшо самое время, какъ ваша графиня танцовала, любезничала, кокетничала, она безъ всякаго сомнѣнія съ опчаяніемъ въ сердцѣ думала о проше-

спованныхъ вексеяхъ своихъ; или своего любовника.

— Я непременно доищусь въ эпомъ дѣлъ правды, вскричалъ Евгеній. Я завтра же пойду къ графинѣ Ресто.

— И вы, можешъ бышь, вспирѣшише шамъ спарика Горю, кошорый придетъ за награжденіемъ.

— Уфъ! шакъ вашъ Парижъ болошо, сказалъ Евгеній съ опвращеніемъ.

— И презабавное болошо, опвѣчалъ Вошренъ: шѣ, кошорые грязняшся въ немъ въ карепахъ — чеспные люди; шѣ, кошорые грязняшся пѣшкомъ — подлецы. Чудо какъ хорошо!

— Какъ? вскричала Г-жа Вокé: Горю опдалъ въ ломъ свой золоченый сервизъ?

— На крышкѣ были, кажется, двѣ горлицы, сказалъ Евгений. Я видѣлъ его случайно.

— То — шо !

— Онъ, кажется, очень любилъ эшошъ сервизъ; онъ плакалъ, ломая его.

— О, чрезвычайно любилъ ! Эшо былъ подарокъ жены его, ошвѣчала вдова.

— Видите, какой онъ спраспный человекъ ! сказалъ Вопренъ. Видно, эша Графиня масперси щекочешъ ему сердце.

Студентъ пошелъ въ свою комнату. Вопренъ ушелъ со двора. Г-жа Кушноръ и Викшорина съли въ наемную карешу и уѣхали къ опцу эшой несчастной дѣвушки. Черезъ

часъ онѣ возвращились въ большомъ уныніи.

Въ чепыре часа, когда Горіо пришелъ въ споловую, онъ увидѣлъ, при свѣтѣ закопшѣлыхъ лампъ, Викшорину, кошорая сидѣла съ заплаканными глазами. Г-жа Вокé слушала расказъ о томъ, какъ онѣ были упромъ у опца. Наскучивъ письмами дочери и Г-жи Купшоръ, Г. Тальферъ пуспилъ ихъ къ себѣ, чшобы объяснишься съ ними однажды навсегда.

— Вообразите, говорила Г-жа Купшоръ: вообразите, чшо онъ даже и не посадилъ Викшорину! Бѣдняжка все время проспояла. Мнѣ онъ сказалъ, не сердясь, весьма хладнокровно, чшобы мы не прудились къ нему ѣздишь; чшо Г-жа Викшорина,—онъ и не назвалъ ее дочерью,—

что Г-жа Викпорина подаетъ о себѣ дурное мнѣніе, приспавая къ нему разъ въ годъ;— бездѣльникъ! что у маѣри Викпорины ничего не было, и слѣдственно ей нечего требовать: однимъ словомъ, самыя жестокія вещи. Бѣдняжка заливалась слезами. Тутъ она бросилась къ ногамъ его, говорила ему, что ей хотѣлось-бы только оправдать маѣ свою; что она безпрекословно будетъ повиняться всему, что онъ прикажетъ; но что она умоляетъ его прочесть письмо покойницы. Тутъ она подала ему письмо, и говорила самыя прогательныя вещи. Не знаю, откуда у ней что бралось. Видно самъ Богъ внушалъ ей! Я сама плакала какъ дура. А что, вы думаете, дѣлалъ между эшимъ злодѣй? Обрѣзывалъ себѣ ногти. Потомъ онъ взялъ это письмо, смоченное сле-

зами его дочери, и бросилъ на каминъ, сказавъ: хорошо! Попомъ онъ хопѣлъ поднѣшь дочь съ земли; она бросилась цѣловать его руки; но онъ опнялъ ихъ..... Тушъ вошелъ негодяй сынъ его, и даже не поклонился сеспрѣ.....

— Какіе изверги! вскричалъ спарикъ Горіо.

— И попомъ, сказала Г-жа Кушюръ, не обращая вниманія на восклицанія спарика: и попомъ они оба ушли, извиняясь передомною, и говоря, что у нихъ еспь важныя дѣла, не терпяція оплагашельспва. Вотъ наше посѣщеніе. Покрайней мѣрѣ онъ видѣлъ дочь свою. Не поспигаю, какъ онъ можешъ не признавать ее! Она похожа на него какъ двѣ капли воды.

Жильцы и прѣходящіе, большею частію студентшы, являлись одинъ

за другимъ , и сѣдѣлись вокругъ стола, здороваясь между собою и говоря другъ другу пошлости, составляющія у большей части Парижскихъ жишелей оспроуміе шуточнаго разговора, кошораго основаніе — глупость , а вся замысловатость въ спиранномъ произношеніи и въ жестяхъ. Всѣ ѣли, рѣзали, говорили шутили, хохотали, и всѣ поочередно подсмѣивались надъ бѣднымъ Горіо. Несчастный все перпѣль молчаливо. Вопрень изъ шушки ударилъ его по шляпѣ , такъ что шляпа спустилась ему на носъ, а между тѣмъ Христофоръ унесъ у него шарелку съ говядиной, и все общество захохотало. Бѣднякъ сносилъ все эшо съ перпѣливоспію нищеты, но наконецъ не могъ выдержашь: со слезами на глазахъ онъ ушелъ въ свою комнату, не окончивъ обѣда. Уходя, онъ еще бросилъ

взглядъ состраданія на Викшорину, на лицѣ копорой изображалась испинная гореснь, — гореснь нѣжной и любящей дочери, опшвергнушой опцемъ свбимъ. Одиный полько Евгеній не провожалъ его насмѣшками. Горіо не казался ему уже ни глущемъ, ни челоуѣкомъ безчувственнымъ, и онъ рѣшилса, во что бы шо ни спало, разгадать его шанспвенную испорію.

На другой день Распннъякъ одѣлся очень орядочно, и опправился къ Г-жѣ Респо, предаваясь дорогой безумнымъ надеждамъ, копорья пакъ прелесшно красящъ жизнь молодую. Тогда мы не расчисляемъ ни препяшспвій, ни опасноспей, и вездѣ видимъ успѣхъ; шогда мы поэпизпруемъ людей воображеніемъ, и печалимся разрушеніемъ плановъ, основывавшихса полько на мечсахъ.

Евгеній шель оспорожно , чшобы не загрязнишься ; шель и думаль о Г-жѣ Ресто , и запасался умомъ ; успраивалъ будущій разговоръ , загошовлялъ оспрошы и Таллейрановскія фразы , кошорыя должны привести его къ объясненію . И несчастный студентъ загрязнился ! Онъ принужденъ былъ зайши въ Пале-Рояль , чшобы вычисшишь сапоги и брюки .

Наконецъ онъ пришелъ въ Гельдерскую улицу ; спросилъ : дома ли Г-жа Ресто , и съ хладнокровною яросшью челоувка , увѣреннаго , чшо со временемъ воспоржеспвуетъ , снесъ презрипельный взглядъ лакевъ , съ любопытствомъ разсмапривавшихъ госпя , кошорый пожаловалъ къ нимъ пѣшкомъ . Эшотъ взглядъ былъ для него шѣмъ шягошнѣе , чшо онъ вдругъ понялъ свое

униженіе , увидѣвъ на дворѣ прекрасную лошадь , запряженную въ щегольской пильбюри. Онъ сдѣлался не въ духѣ. Ящички , полные умомъ , копорые были уже приготовлены въ его мозгѣ , закрылись ; онъ почувствовалъ себя глупцемъ. Въ ожиданіи графини , копорой камердинеръ пошелъ доложить о пришедшемъ , Евгеній спалъ у окна передней , облокотился , и принялся машинально сморѣть на дворъ. Онъ долго дожидался , и безъ сомнѣнія ушелъ бы , если бъ не былъ одаренъ пою полуденною спойкоспію , копорая шворитъ чудеса , когда направляется по прямой линіи.

— Графиня , сударь , въ будуарѣ , и очень заняпа , сказалъ камердинеръ : она не отвѣчала. мнѣ ни слова . Не угодно ли замъ въ госпиную ; шамъ ужъ еспѣ одинъ господинъ .

Удивляясь ужасной власти слугъ, однимъ словомъ произносящихъ приговоръ надъ поведеніемъ господъ своихъ, Распиньякъ опважно кинулся впередъ и ошворилъ шу самую дверь, изъ копорой вышелъ камердинеръ. Спуденштъ хошълъ показашъ эшимъ наглецамъ, что онъ шущъ человекъ знакомый, и неожиданно очутился въ комнаштъ, гдѣ спояли лампы, посуда, ванна, жаровня для нагрѣванія салфешокъ, и копорой прошивоположная, полуошворенная дверь вела въ шемный корридоръ и на черную лѣспницу. Глухой хохощъ, раздавшійся въ передней, довершилъ смяшеніе и ярощъ Распиньяка.

— Госпиная, сударь, здѣсь, сказалъ камердинеръ съ насмѣшливою почшипельностью.

Евгеній повернулъ назадъ, и шакъ поспѣшно, чпо задѣлъ за ванну, и едва не уронилъ въ нее шляпы. И въ эту минуцу, въ корридорѣ, освѣщенномъ маленькою лампою, послышался голосъ Графини, голосъ Горіо и звукъ поѣздуя. Онъ върапился въ переднюю, прошелъ ее, слѣдуя за лакеемъ, и проникъ въ первую госпнную, болѣе смущенный голосомъ Горіо, котораго не могъ онъ не узнать, чѣмъ своей ошибкою. Замѣпивъ, чпо госпиная обнами на дворъ, онъ принялся смотрѣть сквозь стекло, въ надеждѣ увидѣть Горіо выходящаго изъ корридора, и удосповѣрился въ истинѣ своего отккрытія. Сердце у него билось сильно привоспоминаніи о страшномъ разказѣ Вопрена. Каммердинеръ ожидалъ Евгенія у дверей второй госпной; но отшуда вышелъ молодой человекъ и сказалъ

брюзгливо:— Я ухожу, Мористъ; скажи графинѣ, что я ждалъ ее слишкомъ полчаса.

Попомѣ эпошѣ неучпивецѣ, по-видимому имѣвшій право бытъ неучпивцемъ, запѣлъ Ишаліанскую арію, и небрежно придвинулся къ окну, чтобы посмошрѣшь въ лице спуденшу и взглянулъ на дворѣ.

— Ваше сіапельство изволли бы подождать; графиня сейчасъ выйдешъ, сказалъ слуга, возвращаясь въ переднюю.

Въ это время Горіо спустился съ черной лѣспницы и подходилъ къ ворошамъ. Онъ распускалъ свой зонтикъ, не замѣчая, что вороша отворены, и что въ нихъ вѣзжаешъ въ пильбюри молодой гѣспдинъ съ кресломъ. Сшарикъ едва успѣлъ

опскочилъ назадъ, чшобы не быль раздавленнымъ. Молодой господинъ оглянулся, и, увидѣвъ Горіо, поклонился ему съ шѣмъ почпеніемъ, которое поневолѣ оказывающъ росшовцику или человѣку нужному, и между—шѣмъ спыдяща его знакомства. Старикъ опвѣчалъ ласковымъ поклономъ. Все это произошло съ быспрошою молніи. Евгеній смолрѣлъ на нихъ съ такимъ вниманіемъ, что и не замѣпилъ, что онъ не одинъ въ комнашѣ, какъ вдругъ раздался голосъ графини.

— А, Максимъ, вы хотѣли уйши? сказала она съ упрекомъ и пѣкою рою досадою.

Графиня не примѣшила въхавшаго на дворъ шильбюрн. Распиньякъ поспѣшно обернулся, и увидѣлъ передъ собою Г-жу Ресшо: она

явилась въ прелестномъ пенъдарѣ изъ бѣлаго кашемира съ розовыми баншиками; голова ея была убрана съ изысканною небрежностью, какъ обыкновенно упрямъ. Г-жа Респо разливала вокругъ себя бальзамическое благоуханіе. Она повидимому, шолько-что вышла изъ - ванны, и умягченная красопа ея казалась еще привлекательнѣе. Глаза ея были влажны. Евгенийъ, и не допрогиваясь до рукъ ея, чувствовалъ ихъ свѣжеснь. Онъ видѣлъ сквозь кашемиръ розовый опшѣнокъ груди, копорая иногда раскрывалась. Корсепъ былъ не нуженъ графинѣ: одинъ поясъ обозначалъ шалию; шея возбуждала любовь; ножки ея были очаровательны въ шуфляхъ. Когда Максимъ поцѣловалъ ея ручку, Евгенийъ замѣнилъ Максима, а графиня замѣнила Евгения.

— Ахъ, эшо вы, Г. Распильякъ !
Очень рада васъ видѣшь....

Максимъ попеременно смотрѣлъ по
на графиню, по на Евгенія, какъ—
будно желая заславить незваного
госся убраться.

Распильякъ воспылалъ къ нему
жеспокою ненавистью. Впервыхъ
прекрасно причесанные волосы Мак-
сима показывали ему, въ какомъ
беспорядкѣ его собсвенные волосы;
помомъ, у Максима были чистые,
блещаще сапоги, тогда какъ на
его сапогахъ, не смотря на все
спаранія, песпрѣлъ шонкій вънецъ
грязи: наконецъ Максимъ вершѣлся
передъ нимъ въ красномъ сюрпукѣ,
ловко списнуномъ въ шали и пр -
вращавшемъ его въ родъ миленькои
дѣвушки, а онъ, Евгеній, въ преспѣ-
емъ часу по-полудни уже былъ въ

черномъ фракѣ! Проницательный Ангулемецъ пошчасъ почувсшвовалъ все превосходство, которое одежда придавала этому денди, стройному, высокому, блѣдному, черноглазому,— одному изъ шѣхъ модей, которые способны весело и съ особенною прелеснью разорить сиротъ. Г-жа Ресто, не дожидаясь опвѣща, помчалась въ другую госпинуую: полые пенъдара, раскрываясь и закрываясь, придавали ей видъ прекрасной бабочки. Максимъ побѣжалъ за нею. Евгенийъ, въ бѣшенствѣ, послѣдовалъ за Максимомъ. И они опять сошлись въ большой госпиной, у камина. Студентъ очень зналъ, что мѣшаепъ господину Максиму, но онъ рѣшился помѣшати ему, хоть бы для эшого надобно было навлечь на себя не благорасположеніе графини. Вдругъ онъ вспомнилъ. что видѣлъ эшого франша на балѣ у Г-жи Босе-

анъ; догадался, въ какихъ отноше-
ніяхъ Максимъ съ прекрасною граф-
нею, и, съ юношескою дерзостію,
которая иногда заславляетъ дѣлашь
большіяглупости, а иногда доводитъ
до успѣха, сказалъ самъ себѣ: »Вошъ
мой соперникъ: я воспоржесивую
надъ нимъ!» Безразсудный, не зналъ,
что графъ Максимъ де-Траль нарочно
вызывалъ оскорбленіе, чтобы спрѣ-
лать первому и безопасно убивать
своего пропивника. Евгенийъ былъ
искусный охошникъ, но пулей онъ
не сбивалъ двадцати куболь изъ
двадцати двухъ.

Молодой графъ бросился въ бержер-
ку у камина, схватилъ щипцы, и
спалъ мѣшавъ ими уголья съ такою
досадою, что прекрасное лице Ана-
спасіи подернулось печалью. Она
обратилась къ Евгению, и успре-
мила на него одинъ изъ шѣхъ холо-

дно — вопросительныхъ взглядовъ , копорые такъ ясно говорятъ. — Зачѣмъ же вы не уходите? Послѣ такого взгляда люди благо-воспитанные тотчасъ начинаютъ фразы , копорыя можно назвать фразами уходящими.

Евгеній, напрошивъ, принялъ учившій видъ и сказалъ:—

— Я спѣшилъ, сударыня, поскорѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, чтобы.....

Онъ остановился на-опрѣзъ. Отворилась дверь. Господинъ, пріѣхавшій въ шильбюри, вошелъ безъ шляпы, не поклонился графинѣ, заботливо посмотрѣлъ на Евгенія, и подаль Максиму руку, сказавъ ему — Здравствуйте! Онъ сказалъ это слово съ такимъ брагскимъ выраженіемъ,

что Евгений изумился: молодые провинціалы и не воображаютъ, какъ пріятна жизнь впроемъ.

— Мой мужъ, сказала графиня студенту.

Евгений низко поклонился.

— Господинъ Распиныкъ, продолжала она, рекомендуя Евгения графу Респо: родственникъ виконшессы Боссеанъ, по Марсильякамъ. Я имѣла удовольствіе встрѣтить его на балѣ у Виконшессы.

»Родственникъ виконшессы Боссеанъ по Марсильякамъ!» Графиня произнесла эти слова почти торжественно, потому что хозяйкѣ всегда пріятно показатъ, что тѣ, которыхъ она принимаетъ, люди не простые. И эти слова произвели

удивительное дѣйствіе. Графъ Респо поспѣхъ оставилъ свой холодно—церемонный видъ, и взялъ спущенша за руки.

— Очень радъ имѣть честь съ вами познакомиться!

Даже графъ Максимъ Траль бросилъ на Евгенія безлокойный взглядъ, вдругъ покинулъ свои наглыя замашки. Волшебный ударъ, произведенный могущесивомъ одного имени, открылъ въ мозгу Ангулемца тридцать ящичковъ съ умомъ, и возвращилъ ему всю его самонадѣянность. Неожиданная молнія озарила для него всю атмосферу высшаго общества, которая до того казалась ему мрачною.

— Я думалъ, что Марсильяковъ уже нѣтъ? сказалъ Графъ Респо Евгенію.

— Ваша правда, опвѣчалъ онъ: но дѣдъ мой, баронъ Расиньякъ, женился на наследницѣ фамилии Марсиньякъ. У него была одна полько дочь, копорая вышла за маршала Кларанбо, дѣда по мащери Г-жѣ Босеанъ. Мы принадлежимъ къ младшей линіи, и шѣмъ болѣе бѣдной, что дѣдъ мой, бывшій вице-адмираломъ, лишился всего на службѣ. Революціонное правленіе не признало нашихъ преобаній при ликвидаціи Индѣйской компаніи.

— Не командовалъ ли вашъ дѣдъ Мспителемъ до 1789 года?

— Точно такъ.

— О, такъ онъ, конечно, зналъ моего дѣда, копорый командовалъ въ по время Варвикомъ!

Максимъ слегка пожалъ плечами, и взглянулъ на графиню, какъ-будто желая сказать: »Ну, если они примутся полковаться о морской службѣ, шо мы пропали!»

Графиня поняла взглядъ Г. Траля. Она принялась улыбаясь и сказала: — Подише со мной, Максимъ. Мнѣ надобно кой-что сказать вамъ. Мы не спанемъ мѣшанъ вамъ плавать на Мешисель и Варвикъ.

Она вспала, сдѣлала знакъ Максиму, и они опправились въ будущее. Но какъ скоро они подошли къ дверямъ, графъ Респо прервалъ разговоръ свой съ Евгениемъ, и вскричалъ съ досадою:

— Анастасія! не уходи же, моя милая. Ты знаешь, что....

— Сейчасъ; я сейчасъ приду; мнѣ надобно только дасть кой-какія порученія Максиму....

И дѣйствительно, она скоро возвратилась. Женщины, принужденныя наблюдать характеръ мужей своихъ, чтобы вести себя по своей волѣ, знаютъ, сколько онѣ могутъ себя позволить, не теряя драгоценной для нихъ довѣренности мужа, и никогда не дѣйствуютъ противъ него въ мелочахъ: графиня, по голосу своего супруга, догадалась, что теперь оставаться въ будуарѣ не безопасно. Виною этой непріятности былъ Евгенийъ. За то она съ досадою указала на него Г. Тралю, а тотъ насмѣшливо сказалъ графу Ресно, графинѣ и Евгению: — Вы заняты, я не спану вамъ мѣшать; прощайте.

— Оспанься же, Максимъ, закричалъ графъ.

— Пріѣзжайте объдашь, сказала графиня, и, оставивъ въ другой разъ Евгенія съ мужемъ, ушла за Максимомъ въ первую госпиную, гдѣ они пробыли довольно долго для того, чтобы графъ успѣлъ спровадишь недогадливаго посѣщителя.

Распиньякъ слышалъ, какъ они смѣялись, говорили, молчали. Хипрый студентъ нарочно шолковалъ съ Г-мъ Ресто обо всемъ на свѣшѣ, заводилъ съ нимъ споры, и старался дождашья Графини, чтобы вывѣдашь о связяхъ ее съ Горіо. Эта женщина, очевидно любимая Максимомъ, совершенно владѣющая своимъ мужемъ и соспоящая въ какихъ—то тайныхъ связяхъ со старымъ бунцомъ, была для него непоспизи-

мою загадкою. Онъ непремѣнно хотѣлъ проникнуть тайну, чтобы попомъ вполне владычествовашь надъ этою обворожительною Парижанкою.

— Анаспасія! сказалъ опять графъ, клича жену свою.

— Прощай, Максимъ, нечего дѣлать: поборимся судьбѣ.

— Надѣюсь, Анаспасія, шепнулъ онъ ей на ухо, что ты не сманешь пускашь къ себѣ этого мальчишку: глаза его горѣли какъ угли, когда швой пеньдаръ раскрывался; онъ гошовъ выкинулъ шебѣ любовное изъясненіе, скомпрометируетъ шебя и я принужденъ буду убить его.

— Какъ шебѣ не стыдно, Максимъ! сказала она. Эпи школьники,

на прошивъ; прскрасные громовые ошводы. Ты увидишь, что я за-спавлю мужа приревновашь меня къ нему.

Максимъ захохоталъ, и ушелъ, а Графиня подбѣжала къ окну, чтобы посмоирѣшь, какъ онъ сядетъ въ кабріолешъ и махнешъ хлыскомъ. Она отошла отъ окна, когда уже вороша были зашворены.

— Вообрази, моя милая, сказалъ ей Графъ, когда она вошла въ гос-пинуую: помѣстье бапюшки Г-на Распиньяка недалеко отъ Вершеля на Шаранпѣ. Наши дѣды были большіе пріятели.

— Очень рада, что мы старые знакомые, по-крайней-мѣрѣ, по роди-нѣ, сказала Графиня разсѣянно.

— И болѣе нежели вы думаете, Графиня! опивчалъ Евгеній пихо.

— Какимъ это образомъ? сказала она съ живоспьюю.

— Я сейчасъ видѣлъ, что онъ васъ вышелъ человекъ, съ копорымъ мы живемъ въ одномъ домѣ, дверь съ дверью, нашъ старикъ Горіо.

— При этомъ имени, съ неудачною прибавкою слова старикъ. Графъ, копорый въ то время ворочалъ уголья, бросилъ щипцы въ каминъ, какъ-будто они обожгли ему руки, и вспалъ.

— Вы, сударь, могли бы сказать по-крайней-мѣрѣ, господинъ Горіо! вскричалъ онъ.

Графиня поблѣднѣла, замѣшивъ, что мужъ сердился; пришла въ

въ видимое смущеніе, и опвѣчала, краснѣя и съ принужденно развязнымъ видомъ:— Такъ вы знаете человѣка, кошораго опъ души мы любимъ.

Она оспановилась; взглянула на форшепіано, какъ-будто ей пришла нечаянная мысль, и сказала:— Люби-ше-ли вы музыку, Г. Распиньякъ?

— Очень! опвѣчалъ Евгеній, ко-порый раскраснѣлся и одурѣлъ, смѣкая, что сдѣлалъ шаякую глупоспъ.

— Не поете ли вы? присовокупила она, подходя къ форшепіано и сильно проводя пальцемъ по всѣмъ кла-вишамъ, съ нижняго фа до высшаго. Рrrrrrrа!

— Нѣтъ, сударыня.

— Жаль! Это очень приятно въ обществѣ. Са-а-го, са-а-го, са-а-а-аго non dubit-a-re, запѣла она.

Произнося слова »старикъ Горіо, Евгеній произвелъ такое же волшебное дѣйствіе, только въ совершенно противоположномъ направленіи, какое имѣли слова »родственниковъ виконшессы Босеанъ.» Онъ былъ въ положеніи человѣка, котораго изъ милости впустили къ любимцу рѣдкостей, и который по неосторожности сронилъ ящичекъ съ почеными фигурками и сшибъ при или чепыре головки. Онъ радъ бы былъ броситься въ адъ. Лице графини Ресто было сухо, холодно, и взоры ея, сдѣлавшіеся равнодушными, избѣгали его взоровъ.

—Позвольте мнѣ проспиться съ вами, сударыня! сказалъ онъ.

— Намъ всегда будетъ пріятно видѣть васъ, проговорила она поспѣшно.

Евгеній низко поклонился, и вышелъ съ графомъ Ресно, который, несмотря на всѣ его просьбы, проводилъ его до передней. Тутъ они нѣжно простились, и спуденшъ выбжалъ на лѣспницу.

— Ежели эпопъ господинъ опять придетъ, сказалъ Графъ камердинеру: ни меня, ни Графини нѣтъ дома.

Сойдя съ лѣспницы, Евгеній увидѣлъ, что дождь идетъ.

Ну, подумалъ онъ, сдѣлалъ же я здѣсь глупость, копорой слѣдствій и самъ не понимаю. да еще въ добавокъ и спорчу фракъ и шляпу!

Сидѣть бы мнѣ дома, да учишь законы: гдѣ мнѣ жить въ большомъ свѣтѣ, когда шамъ нельзя обойтись безъ экипажа, безъ лакированныхъ сапоговъ, золотыхъ цѣпочекъ, шелковыхъ перчатокъ утромъ, желтыхъ перчатокъ вечеромъ? Ну старикъ Горю, не дешево ты мнѣ обошелся!

Онъ подошелъ къ ворошамъ. Извощикъ, который, свезши въ своей каретѣ новобрачныхъ на хозяйскій счещъ, радъ былъ съѣздить для себя, увидѣвъ Егвенія безъ зонтика, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ желтыхъ перчаткахъ, сдѣлалъ ему знакъ, предлагая свои услуги. Въ сердцѣ Распишняка кипѣла тогда глухая ярость, заславляющая иногда молодыхъ людей, въ надеждѣ найсти выходъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ бездну, въ

которою попали они нечаянно. Онъ кивнулъ головою, и хопя у него въ карманъ было не болѣе одного франка, съ важностью однако сѣлъ въ карешу, въ которой померанцовые диспочки свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи шупъ молодыхъ. Онъ велѣлъ ѣхать къ дому виконта Босеана.

— Глупецъ я! сказалъ онъ, бросивъ съ досадою шляпу на переднія подушки. Сегоднешнее упрое разоритъ меня въ конецъ. Нужды нѣтъ; по крайней — мѣръ я пріѣду къ моему бузинѣ, какъ слѣдуетъ, въ карешѣ. Старый шупъ Горіо спомнитъ мнѣ, по крайней — мѣръ, десять франковъ! Разскажутъ развѣ Г-жѣ Босеанъ мое приключеніе! Эпо, можешь — бышь, разсмѣшишь ее. Она вѣроятно, знаетъ тайну пресупной связи эпою старой собаки съ пре-

красною графинею. Лучше заслужить благорасположеніе моей милой кузины, чѣмъ имѣть дѣло съ эпою безнравственною женщиной. Если одно имя виконшессы производитъ такое дѣйствіе, по чего не сдѣлаешь она сама!

Эти слова—были краткое содержаніе тысячи мыслей, волновавшихъ его.

У дверей дома Босановъ онъ принявъ былъ швейцаромъ къ красной шишой золотомъ ливреѣ, и опять услышалъ хохотъ лакеевъ, копорые издѣвались надъ его извоицнчьей карешой. Онъ поспигъ причину ихъ веселоспи, когда сравнилъ эту жалкую карешу съ великолѣпнымъ экипажемъ, споявшимъ у подъѣзда и запряженнымъ двумя бѣшеными лошадьми, копорыхъ кучерь держалъ подъ уздцы. Угоспожи Респо видѣлъ

онъ легкій кабріолешъ молодого денди; шупъ попался ему роскошный купе знашнаго барина, спюющій, по-крайней — мъръ, шридцати пы-сячь.

— Кто жъ это у ней? сказалъ самъ себѣ Евгеній, понявъ немножо поздно, что въ Парижѣ не много женщинъ незаняшыхъ. Чортъ возьми! видно и у моей кузины естъ свой Максимъ.

Онъ уныло взошелъ на лѣспницу. При его приближеніи, спеклянные двери распворились наспежъ, и онъ увидѣлъ множештво слугъ, серьезныхъ какъ ослы, копорыхъ чис-пяшъ. Балъ на кошоромъ былъ онъ вчера, происходилъ въ залахъ бель-эшажа опеля Босеановъ, и Евгеній еще не зналъ покоевъ виконшессы, шакъ, что ему въ первый приходи-

лось видѣшь убранныя внутреннхъ комнатъ знашной дамы, по кошорому можно узнать и ея нравъ и образъ жизни. Это было для него шѣмъ любопытнѣе, что онъ имѣлъ уже предметъ сравненія—госпиную Г-жи Респо. Евгенія вели по лѣспницѣ съ золопою рѣшешкою, уснавленной цвѣтами и успланной алымъ ковромъ. Онъ не имѣлъ ни какого понятія о сполчномъ эшкешѣ, и идя къ Виконшессѣ, не зналъ даже ея словешной бшграфш, — и одной изъ шѣхъ кршшческшхъ исторш, кошорыя каждый вечеръ разсказываются въ госпшныхъ на ухо.

Цшпашелю однакожъ надобно знать, что Виконшесса Босеанъ уже года шри жила въ шѣсной дружбѣ съ однимъ изъ знаншшшхъ и богатшшшхъ Поршугальцевъ, маркизомъ Алуда-Гшншо. Сначала люди, бо-

порые прѣзжали къ Виконшессъ въ чепыре часа, всегда находили у ней Г. Ажуда-Пинпо. Не принимашь совсѣмъ она не могла: это было бы слишкомъ неприлично; но за то она принимала ихъ пакъ холодно, и пакъ приспально смопрѣла на карнизъ своей госпиной, что всякой шопчасъ догадывался, что присуствіе поспороннихъ ей неприятно. Какъ скоро въ городъ узнали, что Г-жа Боссанъ парочно принимаешь передъ обѣдомъ, — знакомые ея почли за долгъ не ѣздить къ ней въ это время. Она бывала всегда въ театрѣ, съ мужемъ и съ Г. Ажуда-Пинпо; но мужъ, какъ человекъ умбющій жипь, усаживалъ ихъ въ ложъ, и шопчасъ уходилъ. Г. Ажуда собирался женишься на дѣвицѣ Рошгюдъ-Шаро, и все высшее общеспво это знало, за исключеніемъ одной шолько Г-жи Боссанъ. Нѣкопорыя изъ ея пріятель-

ницъ намѣкали ей объ эпомъ, но она смѣялась, думая, что добрыя пріятельницы завидуютъ ей счастію и хощашъ разрушить его. Между тѣмъ уже готовились объявить въ церкви объ его помолвкѣ. Г. Ажуда-Пинпо пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы объявить Г-жѣ Босеанъ о своей женишбѣ, и не осмѣлился сказать ни слова. Опъ чего же?— опъ того, что нѣтъ ничего шруднѣе, какъ объявить женщину подобный ульши-манъ. Иному легче смолчѣть въ дуло писшолена своего соперника, чѣмъ на женщину, которая начинаетъ плакать, а потомъ падаетъ въ обморокъ. Г. Ажуда-Пинпо былъ въ большомъ запрудненіи, и хощѣлъ уже ѣхать, говоря самъ себѣ, что Г-жа Босеанъ и безъ того узнаетъ объ эпомъ, или что онъ къ ней напишетъ, и что ему будетъ несравненно легче совершить это любов-

ное убійство письменно. Вдругъ слуга доложилъ объ Евгениі Распиньякъ. Г. Ажуда вздрогнулъ отъ радости, и Виконшесса, съ проницательностью любви, замѣтила эпопѣй легкій, невольный, но жестокій для нея шрепешъ.

Евгеній не зналъ, что нельзя ѣхать въ первый разъ въ домъ, не выспросивъ у пріятелей испоріи мужа, жены, и дѣшей, чтобы не дать промаха. Онъ уже надѣлалъ глупостей у Г-жи Респю, и явился къ Г-жѣ Боссеанъ для того же. Но шамъ онъ жестоко мѣшалъ Графинѣ и Г. Тралю; а шупъ вывелъ Г. Ажуда-Пиншо изъ затруднительнаго положенія.

— Прощайше! сказалъ Г. Ажуда-Пиншо, спѣша къ дверямъ, когда Евгеній вошелъ въ прелестную гостиную лилового и розоваго цвѣта,

въ кошпорой великолѣпіе казалось изящностью.

— Надѣюсь, только до вечера сказала Г-жа Босеанъ, обернувшись и взглянувъ значительна на маркиза. Мы поѣдемъ сегодня въ шеапръ.

— Никакъ не могу! сказалъ онъ, взявшись уже за ручку двери.

Госпожа Босеанъ встала и подзвала его къ себѣ, не обращая вниманія на Евгенія, ослѣпленнаго блескомъ пышности, начинавшаго уже върипъ истинъ Арабскихъ сказокъ, и не знавшаго, куда дѣвашся въ присущіи этой женщины, кошпорая его не замѣчала. Виконшесса приподняла указательный палецъ правой руки, и миленькимъ движеніемъ опредѣлила маркизу мѣспо прошивъ себя. Въ этомъ движеніи

было такое могущество гнѣва, пакой деспотизмъ спросити, что маркизъ ославилъ ручку двери и подошелъ. Евгеній съ зависпью сморгнулъ на него.

— Такъ вопшь владѣлецъ великолѣпнаго экипажа, кошорый я видѣлъ у подъѣзда! Боже мой, неужели же надобно имѣшь бѣшеныхъ лошадей, ливреи и кучи золоша, чшобы заслужипшь одинъ взглядъ энихъ женщинъ!

Демонъ роскоши укусилъ его за сердце; его начала бишь лихорадка спяжанія, и сребролюбіе сушило ему горло. У него было шолько сто франковъ въ мѣсяць; отецъ, мать, брашья, сеспры, шепка его, не издерживали всѣ вмѣстѣ и двухъ сотъ франковъ въ шо самое время! Быспрое сравненіе наспоющаго своего

состоянія съ цѣлью, къ копорой онъ спремился, привели его въ совершенное уныніе.

— Опчего жъ, сказала Виконшесса смѣясь, вы не можете ѣхать въ шеапръ?

— Дѣла! Я объдаю сегодня у Англійскаго посла.

— Бросьте дѣла!

Когда человекъ обманывается, онъ по неволѣ уже долженъ прикрывать одну ложь другою. Г. Ажуда-Пиншо сказалъ смѣясь: — Вы этого потребуете?

— Непремѣнно.

— Этого-шо слова мнѣ и хотѣлось! воскликнулъ онъ, бросивъ на нее взглядъ, копорый успокоилъ бы всякую другую женщину.

Съ взявъ руку Виконшессы, поцѣловалъ ее, и ушелъ. Евгеній поправилъ волоса, и спалъ въ позисуру, чтобы поклониться, думая, что пеперь кузина обратитъ на него вниманіе. Вдругъ она вскакиваетъ, бѣжитъ въ залу, бросается къ окну, и смотритъ, какъ Г. Ажуда-Пинто садится въ карету; она напрягаетъ слухъ, и слышитъ, что егерь говоритъ кучеру: »Къ Рошгюду! Эпи слова, и то, съ какимъ наслажденіемъ Г. Ажуда скрылся въ свою карету, были громомъ и молніею для этой женщины: она опошла отъ огна, удерживая жестокое волненіе души и дрожь, пробѣжавшую по всему ея тѣлу.

Въ большомъ свѣтѣ ужаснѣйшія несчастія оканчиваются эшимъ.

Она полетѣла въ спальню, схватила красивую бумажку, и съла писать:

»Какъ скоро вы объдаете не у Англійскаго посла, а у Г. Рошгюдъ, вы должны объяснишься со мною. Я васъ ожидаю.»

Поправивъ дрожащей рукой нѣсколько липеръ, она сказала камердинеру:

— Жакъ! въ половинѣ осьмага пойдешь къ Г. Рошгюду и спросишь Г. Ажуда-Пинпо. Если онъ шамъ, ты отдашь ему эту записку, и уйдешь, не дожидаясь отвѣта; если его нѣтъ, то ты принесешь письмо назадъ.

— Въ маленькой госпоиной кшопе ешь, сударыня, сказалъ Жакъ.

— Ахъ, да, я и забыла! отвѣчала она, отворяя дверь.

Евгению во все это время было очень неловко; но наконецъ Виконшесса

пришла, и сказала ему препенущимъ голосомъ, кошорый попрысъ всѣ фибры его сердца:— извините, сударь, мнѣ надобно было написашь нѣсколько словъ; шеперь я съ вами.....

Она сама не знала что говорила; она думала: »А! онъ хочешъ женишься на дѣвицѣ Рошгюдъ! Но развѣ онъ свободень? Вечеромъ эша женишьба будешъ распроена, или я... я... Завпра эшо будешъ дѣло кончепое.»

— Любезная кузина, сказалъ Евгений.

— Вы изволише говорись, спросила она, бросивъ на него взглядъ, кошораго холодная надменность совершенно оледенила его.

Евгений понялъ эшошь взглядъ. Въ продолженіе прехъ часовъ, онъ

такъ многому научился, что сдѣлался уже оспорожнымъ.

— Сударыня, сказалъ опъ, покраснѣвъ.

Онъ оспановился, и попомъ сказалъ: — извинише, сударыня, мнѣ такъ нужно покровишельспиво, что не худо бы немножко и родспва.

Г-жа Босеанъ улыбнулась, но печально: она уже чувспивовала несчаспие, которое глухо гремѣло въ ея апмосферѣ.

— Еслибъ вы знали положеніе нашей фамиліи, то конечно захопѣли бы играшь роль одного изъ шѣхъ благодѣшельныхъ сущеспвъ, которыя успраняли всѣ препяиспвія на пуши своихъ креспниковъ.

— Ну, чтожъ, кузень? сказала она смѣясь: что я могу для васъ сдѣлать?

— Я и самъ не знаю! Бышь со мной въ родствѣ, хопя въ самомъ дальнемъ—эшо одно уже поведенгь меня ко всему. Вы меня смушили. Я забылъ, что хопѣлъ сказаць вамъ. Я шолько васъ одну и знаю въ Парижѣ. Да! Я желалъ съ вами посовѣшовашься: мнѣ бы хопѣлось, чтобы вы приняли меня подъ свое покровишельство, какъ бѣднаго молодого человека, кошорый гошовъ умереть за васъ.

— И вы бы за меня убили человека?

— Двухъ, если вамъ угодно!

— Ребенокъ! Да; вы настоящій ребенокъ, сказала она, удерживая слезы. Вы бы любили искренно?

— О! сказаць онъ, покачавъ головою.

Виконшесса вдругъ приняла большое участіе въ эпозмъ спуденшѣ, пошому что онъ опвѣчалъ какъ чеспиолобецъ. Распиньякъ въ первый разъ въ жизни расчишывалъ. Между голубымъ будуаромъ Г-жи Ресто и розовою госпиной Г-жи Босеанъ онъ прошелъ цѣлое сполічное право, о копоромъ никшо не говоршѣ, копораго ншгдѣ не преподаюнѣ, и копорое между-шѣмъ ведешѣ ко всему, если его хорошо выучшѣ и умѣешѣ примѣншѣ къ случаю.

— А! шеперь я вспомншѣ, что кошѣлъ сказашѣ вамѣ. Я видѣлъ у васѣ на балѣ Г-жу Ресто. Я былѣ у ней сегодня ушромѣ.

— Вы, я думаю, ей помѣшали? сказала Г-жа Босеанъ, улыбаясь.

— Ужасно. Что дѣлашѣ! Я невѣжа, и воорушу прошвѣ себя весь свѣшѣ,

если вы мнѣ не поможете. Я думаю, что въ Парижѣ трудно найти женщину молодую, богашую, прекрасную, кошорой сердце было бы свободно, и только такія женщины, какъ вы, можете объяснить мнѣ то, что мнѣ нужно знать: жизнь. Я вездѣ найду какого—нибудь Г. Траля. Я хотѣлъ просить васъ разрѣшить мнѣ эту загадку, и располковать, въ чемъ состояла глупость, кошорую я сдѣлалъ. Я заговорилъ о шарикѣ.....

—Герцогиня Ланже! сказалъ Жакъ, прерывая его.

—Любезный кузень, сказала Виконшесса тихо: не будьте такъ числосердечны, если хотите успѣвать въ свѣшѣ.

—Здравствуйте, душа моя! продолжала она, идя на встрѣчу Гер-

цогинѣ; она взяла ее за руки и пожимала ихъ съ нѣжною дружбою. Г-жа Ланже отвѣчала ей самыми милыми ласками.

»Видно онѣ большія пріятельницы, подумалъ Распиньякъ. Такъ у меня будетъ вмѣсто одной двѣ покровительницы.

— По какому счастливому случаю вы ко мнѣ заѣхали, милая моя Аншуанешша? сказала Г-жа Босеанъ.

— Я встрѣшила Г-на Ажуда-Пинто у Рошгюдовъ, и подумала, что вы вѣрно однѣ.

Г-жа Босеанъ не закусила губъ, не покраснѣла, не измѣнила взгляда, и даже лице ея какъ-будто просвѣтлѣло, когда Герцогиня произносила эти роковыя слова.

— Еслибъ я знала, что вы заняты, продолжала она, взглянувъ на Евгенія.

— Это мой родственникъ, отвѣчала Г-жа Босеанъ. Скажите, что случилось съ Г-номъ Монриво? Серизо говорилъ мнѣ вчера, что его нигдѣ не видно. Не былъ ли онъ сегодня у васъ?

Герцогиня, влюбленная въ Г. Монриво и покинувшая имъ, почувствовала въ сердцѣ острее этого вопроса, и отвѣчала, покраснѣвъ: онъ былъ вчера въ Элизеъ.

— По службѣ? спросила Г-жа Босеанъ.

— Клара! отвѣчала Герцогиня, заливая глазами попоки злобы: вы знаете, конечно, что завтра будетъ объявлено въ церкви о помолвкѣ

Г-на Ажуда-Пинпо съ дѣвицею Рошгюдъ?

Эпопъ обратный ударъ былъ слишкомъ силенъ. Виконпесса поблѣднѣла, и опвѣчала смѣясь: эпо пусшыя слухи, распускаемые глупцами. Можно-ли, чшобы Ажуда-Пинпо вшупилъ въ союзъ съ Рошгюдами? Онъ носилъ одно изъ прекрасѣйшихъ именъ въ Португаліи, а они изъ самаго мелкаго уѣзднаго дворянства.

— Но у Берны будешъ, говорятъ, сложивъ одно съ другимъ, двѣспи тысячъ дохода.

— Г. Ажуда-Пинпо слишкомъ богашъ, чшобы женишься по расчету.

— Но, мой другъ, Берна Гошгюдъ прелестна собою.

— О!

— Онъ сегодня шамъ объдаешъ, и условія уже заключены..... Я не понимаю, какъ вы эшого незнаете!

— Какую же глупость вы сдѣлали, кузень, сказала Г-жа Босеанъ. Эпошъ бѣдный молодой человекъ шакъ недавно въ свѣпъ, чшо онъ совсѣмъ не понимаетъ, о чемъ мы съ побой говоримъ, милая Анипуанешша. Будьше снисходительны къ нему; мы поговоримъ съ вами завшра — завшра, вѣрояшно, объ эшомъ будешъ объявлено.

Герцогиня бросила на Евгенія одинъ изъ шѣхъ взглядовъ, кошорые опускавають бѣднаго человека съ ногъ до головы, уничшожають его, и приводяшъ къ шочкѣ шушя.

— Я, какъ видно, безъ намѣренія вонзилъ кинжалъ въ сердце Г-жи

Респо,— безъ намѣренія, и въ эпюмъ вся вина моя, сказалъ спуденикъ, провидѣвъ жеспокія эпиграммы, кроющіяся подъ ласковыми словами ашихъ двухъ пріятельницъ. Вы продолжаете видѣться съ людьми, которые знаютъ, что дѣлаютъ вамъ зло, хоть, можетъ-быть, боитесь ихъ; но того, который досаждаешъ вамъ по незнанію, вы считаете безмозглымъ глупцемъ, который не умѣетъ пользоваться, и презираете.

Г-жа Босеанъ бросила на спуденика одинъ изъ пѣхъ шающихъ взглядовъ, въ которыхъ души знашныя умѣютъ излишь всю свою признательность, сохраняя все свое достоинство. Эпюмъ взглядъ былъ бальзамомъ, заживившимъ рану, нанесенную Распиньяку взглядомъ оцѣнщика, которымъ измѣряла его Герцогиня Ланже.

— Вообразите, что я попалъ въ милость къ Графу Респю, сказалъ Евгений. Надобно вамъ знать, сударыня, продолжалъ онъ съ самымъ смиреннымъ и хипрымъ видомъ, обращаясь къ Герцогинѣ, что я спуденшъ, бѣдный, одинокій.....

— Не говорите эшого, кузенъ, сказала Г-жа Босеанъ: намъ, женщинамъ, никогда не нравилося то, чего никто не беретъ.

— Что дѣлать! сказалъ Евгений: мнѣ шолько двадцать два года; надобно умѣть спосишь несчастія своего возраста.

— Но Г-жа Респю, кажешся, воспшыиваешся для свѣша подъ руководствомъ Г. Траля? сказала Герцогиня.

— Я эшого и не зналъ, сударыня, и какъ сумасшедшій бросился между

ними. Какъ бы то ни было, но я прибрѣлъ благорасположеніе мужа, и Графиня, конечно, на нѣкоторое время перпѣла бы меня, какъ вдругъ мнѣ вздумалось сказашь, что я знаю одного человѣка, котораго провели ошъ нихъ по пошасенной лѣсшницѣ, и который обнималъ Графиню въ корридорѣ.

— Кто жъ это? вскричали объ женщины.

— Одинъ старикъ, который за при луидора въ мѣсяцъ живешъ на хлѣбахъ въ самой глуши предмѣсшя Сепъ-Марсо, въ одномъ домѣ со мной. Мы его зовемъ обыкновенно—старикъ Горіо.

— Ай, ай, какой вы ребенокъ! Да вѣдь Графиня Респо урожденная Горіо.

— Дочь лабазника, сказала Герцогиня: женщина совсѣмъ проспая.

Однако жъ она нашла случай бышь предспавленною ко двору.

— Какъ, эшо опецъ ея? вскричалъ спуденшъ.

— Да; у него двѣ дочери, п онъ любилъ ихъ до безумія, хошя объ ошъ него опреклись.

— Вшорая, сказала Виконшесса, смопря на Герцогиню, кажешя замужемъ за однимъ банкиромъ, за какимъ-шо Нѣмцемъ, Нюсингеномъ помнишя; она, кажешя, блондинка; у ней ешъ ложа вѣ оперѣ, и она всегда хохочешъ громко, чшобы ее замѣшили.

Герцогиня опвѣчала улыбаясь:— Я удивляюсь вамъ, право, мой другъ, чшо вы занимаешя подобными людьми! Надобно было влюбилъся до безумія, какъ Г. Ресто, чшобы

женишься на Наспицькѣ Горіо. Онъ я думаю, и самъ не радъ шеперь. Она въ рукахъ Г. Траля, и шопъ ее погубишь.

— Опець ея! повшорялъ Евгеній.

— Ну, да! опець, ея опець, ихъ опець, сказала Виконшесса. И предобрый опець, опець, кошорый далъ каждой изъ нихъ пять сошъ или шесть сошъ штысячъ франковъ, чшобы найши имъ хорошія паршіи, а себъ оспавилъ шолько восемь или десяшь штысячъ дохода, думая, чшо дочери оспанушя по-прежнему его дочерьми, и чшо у него будущъ два дома, въ кошорыхъ за нимъ спанушъ ухаживашъ, посипъ его на рукахъ. Въ два года зяшья выгнаши его изъ своего общеспва, какъ человекъ недосшойнаго...

Слезы навернулись на глазахъ Евгенія, кошорый еще шолько одинъ

день провелъ на полѣ сраженія Парижской образованности. Испинное чувство такъ заразительно, что всѣ прое съ минушу молча смопрѣли другъ на друга.

— Ахъ, Боже мой! сказала Г-жа Ланже: да; конечно, это ужасно; а между-тѣмъ мы всякой день это видимъ. Должна же бытъ на это какая-нибудь причина. Скажите мнѣ, моя милая, думали ли вы когда нибудь о томъ, что такое зянь? Зянь естъ шопъ, кому вы или я, воспинываемъ милое, любезное швореніе, привязывающее васъ къ себѣ тысячью узами, уптшеніе родителей въ печеніи осьмнадцати лѣтъ, бѣлую душу семейства, какъ сказалъ бы Ламаршинъ, кошорая попомъ дѣлаенся его язвою. Этошъ человекъ возьмешъ ее у насъ, и шопчасъ, любовью ея къ нему, вырубишъ, какъ шопоромъ, изъ сердца ея всю

привязанности къ родному кругу. Вчера, еще дочь наша была все́мъ для насъ, мы были все́мъ для нея; завтра она спанетъ нашею непріятельницею. Развѣ мы невидимъ всякой день этой трагедіи? Певѣска грубитъ свекрови, которая все́мъ на свѣтѣ пожертвовала своему сыну; зять выгоняетъ изъ дому пещу. Говорятъ, что въ нынѣшнемъ нашемъ обществѣ нѣтъ ничего драматическаго! Эти люди забываютъ, что зять составляетъ драму самую ужасную, не говоря уже о замужствахъ. Я очень хорошо понимаю все, что случилось съ эпимъ спарымъ лобазникомъ. Мнѣ помнился, что эпимъ Форіо...

—Горіо, сударыня, сказалъ Евгеній.

— Да, да, Моріо! онъ былъ президентомъ своего опдѣленія въ 93

году, во время революціи, участвоваль въ производствѣ погдашняго голода, и сѣспавиль себѣ соспоянiе, продавая хлѣбъ въ осьмнадцатъ разъ дороже того, что онъ ему спойлъ. Муки онъ могъ имѣть сколько хощѣлъ. Управитель моей бабушки продалъ ему хлѣба на огромныя суммы. Боріо, вѣрояпно, какъ и всѣ они погда, дѣлился съ Комитетомъ Общественной Безопасности. Я помню, что управитель говорилъ моей бабушкѣ, что она, хощя и роялистка, можешь жить спокойно во Франціи, пошому что хлѣбъ ея лучшій дипломъ на якобинство. У этого Лоріо, который продавалъ палачамъ хлѣбъ, была одна только спрасъ: онъ обожалъ дочерей своихъ. Онъ посадилъ старшую въ домъ Графа Респо, а вторую привелъ къ барону Нюсигену, богатому банкиру, который корчился

изъ себя роялиспа. Вы можете вообразить, что при Г-нѣ Подпоручикѣ Бонапарте, оба зяпя охотно держали у себя этого героя 93 года: тогда это ничего не значило. Но по возвращеніи законной династїи, шарикъ спалъ въ шлягоспъ и Графу Ресто, и еще болѣе банкиру. Дочери, можете — бытъ, его еще и любили: онѣ хотѣли ладить и съ опцемъ и съ мужьями, принимали этого Форю, когда у нихъ никого не было, выдумывали разные нѣжные предлоги. — Приходите, папинька, завтра! намъ будетъ веселѣе съ вами, потому что мы будемъ одиѣ, — Но повѣрьте мнѣ, чувствованія истинныя имѣютъ и глаза и понимливоспъ; и сердце бѣднаго лобазника, революціонера обливалося кровью. Онѣ увидѣлъ, что дочери спыдиаша его, что дѣчери любящъ мужей своихъ, а

онъ въ шягоспъ ихъ мужьямъ , и попялъ , чшо надо пожертвовашь собою. И онъ пожертвовалъ собою , пошому чшо онъ былъ опецъ: онъ самъ себя осудилъ на изгнаніе. Пошомъ , видя , чшо дочери его довольны , онъ убѣдился , чшо хорошо сдѣлалъ. Опецъ и дочери, всѣ были сообщниками этого семейнаго пресупленія. Мы это вездѣ видимъ. Старикъ Моріо былъ-бы пшномъ въ домъ своихъ зяпъ-евъ; да ему и самому было-бы шамъ неловко, онъ самъ-бы скучалъ шамъ. То-же можешъ случишья и съ самою прекрасною женщиною. Если она любишъ кого-нибудь и наску-чаешъ ему своею любовію, онъ дѣлаешъ низоспи , чшобы опъ нея избавишья. Всѣ нѣжныя чувсшво-ванія до этого доводяшъ. Эшомъ опецъ все опдалъ; нѣжностъ свою, попеченія, онъ распочалъ имъ двад-

цашь лѣшъ ; богапство свое , онъ бросилъ имъ въ одинъ день. Лимонъ былъ выжашь : дочери выбросили кожицу на улицу.

—Свѣшъ гнусень! сказала Виконшесса, разглаживая бахраму своей шали и не поднимая глазъ.

—Гнусень, нельзя сказашь, опвѣчала Герцогиня : онъ идешъ какъ всегда , вѣшъ и все. Вы видите , что свѣшъ меня не прельщашь. Я думаю такъ-же , какъ и вы , моя милая , сказала она , пожимая руку Виконшессы : свѣшъ болошо , надобно держашься на висопахъ.

Она вспала, поцѣловала Госпожу Босеанъ въ лобъ , и сказала : — Вы прелесны сегодня , Клара ; я никогда не видывала у васъ такого прекраснаго цвѣша лица.

И она ушла, слегка кивнувъ головою Евгенію.

— Старикъ Горіо, человекъ необычайный! сказалъ Распиньякъ, вспомнивъ, какъ пошъ ломалъ серебро свое.

Госпожа Босеанъ не слыхала: она была въ задумчивости. Прошло нѣсколько минушъ въ молчаніи, и бѣдный студентъ, не зная что ему дѣлать, — уйши или оставаясь, молчалъ или говорилъ.

— О, да! свѣтъ золь и гнусень, сказала наконецъ Виконшесса. Чувъ случится съ вами несчастіе, пошчасъ являюся пріятельницы, чтобы разсказать вамъ объ эпомъ, чтобы ворочать вамъ въ сердцѣ кинжаломъ, выхвапя между - шѣмъ его рукояпку. И шеперь ужъ надо

мною подшучиваюшъ , смѣюшся
Но я буду защищахся.

Она приподняла голову съ важностью знашной дамы , и молніи вылепали изъ глазъ ея.

— А ! сказала она , взглянувъ на Евгенія : вы здѣсь !

— Здѣсь еще ! отвѣчалъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Послушайте , кузенъ ! обходите съ этимъ гнуснымъ свѣтомъ , какъ онъ много заслуживаетъ . Вы хопите выйши въ люди ? Я помогу вамъ . Вы увидите , какъ ужасна испорченность женщинъ въ Парижѣ ; вы увидите , какъ велико презрѣнное шцеславіе мужчинъ . Я хорошо читала книгу свѣта , но въ ней были еще спраницы , не извѣстныя мнѣ .

Теперь я все знаю. Чѣмъ хладнокровнѣе будете вы разсчитывать, тѣмъ далѣе вы пойдете. Будьте безжалостны, и васъ спануть бояться. Смотрийте на мужчинъ и на женщинъ, какъ на почтовыхъ лошадей, конторыхъ вы можете загнать на каждой станціи: тогда вы непременно достигнете цѣли вашихъ желаній. Воптъ въ чемъ дѣло: вы будете здѣсь ни чѣмъ, если не найдете женщины, которая приняла бы въ васъ участіе. Вамъ надобна покровительница, молодая, прекрасная, богатая. Но если у васъ есть истинное чувство, спрячьте его, ради Бога, какъ сокровище, чтобы никто не могъ и догадаться объ немъ! Иначе вы погибли. Вы сдѣлаетесь не полачемъ, а жертвою. Если вы когда-нибудь будете любить, кузень, скрывайте это; не выказывайте тайны вашей передъ

человѣкомъ, котораго вы хорошо не знаете. Что бы предохранить себя отъ любви, которая еще не существуетъ, научитесь не довѣрять свѣту. Послушайте, Мигель.

Она ошибалась въ имени и не замѣчала этого.

...Есть нѣчто ужаснѣе неблагодарности дочерей, которыя покидаютъ отца своего и желаютъ ему смерти: это соперничество двухъ сестеръ между собою. Графъ Респю человекъ знаменитый, жена его принята въ большомъ свѣтѣ, представлена ко двору; а сестра ея, богатая, прекрасная Дельфина Нюсингенъ, жена банкира, сохнетъ съ досады, чахнетъ съ горя: она далеко отспала отъ сестры. Сестра ея уже не сестра. Онъ опрелекающа другъ отъ друга, какъ обѣ опрелелись

опъ опца. Дельфина сдѣлала бы все на свѣпѣ, чшобы шолько по-паспѣ въ мою госпинуую. Она надѣялась, что Демарсѣ поможетъ ей въ эпомѣ, и сдѣлалась рабою Демарсѣ. Она мучипѣ его, а онѣ обѣ ней и не думаетъ. Познакомьше ее со мною, и она спаетъ обожапѣ васъ. Послѣ вы можете любипѣ ее, если вамъ угодно; а нѣпѣ, такъ по-крайней—мѣрѣ употребляйте ее для доспнженія своей цѣли. Я при-му ее раза два вечеромѣ, когда у меня будетъ давка. Поупрамѣ я ее принимапѣ не сшану. Я буду съ ней кланяпѣся, и эпшого добѣльно. Вы заперли себѣ входѣ въ домѣ Графини Респо пѣмѣ, чшо заговорили обѣ опцѣ ея. Васѣ не велѣно пускапѣ: эпшо вѣрно. Пуспѣ же пеперь спарикѣ Горіо познакомипѣ васѣ съ Дельфиною Шюснпгенѣ. Прекрасная Дельфина будетъ для васѣ

вывѣскою. Пусть она опличаетъ васъ, тогда вы будете нравиться всѣмъ женщинамъ. Соперницы ея, пріятельницы, самыя искреннія ея пріятельницы, будутъ стараться опбить васъ у нея. Многія женщины любящъ только шѣхъ, кого выбрали другія; такъ какъ просшыя женщины носятъ такія же шляпки, какъ у насъ, и думаютъ, что переняли наши манеры. Вы успеете у женщинъ, а въ Парижѣ шѣ и сильны, копорые намъ нравятся. Это ключъ къ могуществу. Если женщины рѣшатъ, что вы человекъ умный, съ дорованіями, мужчины будутъ вѣрить этому два года: въ это время можете пребыть, что угодно, и получите все, чего хотите. Вы тогда узнаете, что такое свѣтъ,—собраніе плутовъ и обмануемыхъ. Не будьте въ числѣ ни шѣхъ, ни другихъ. Вручаю

вамъ мое имя какъ Аріядину нишь, чшобы проникнуть въ эшопъ лабириншъ.

— Не скомпрометируйтѣ его, сказала она, нагнувъ голову и бросивъ на него взглядъ Царскій: возвратише мнѣ его чиспымъ ! Теперь, оспавъше меня. Намъ женщинамъ, шоже приходися иногда пригошоваляпсья къ сраженіямъ.

— А если вамъ нуженъ человекъ рѣшишельный, гошовый бросишся съ огнемъ въ мину !...., сказалъ Евгений, прерывая ее.

— Ну ?

Не говоря ни слова, онъ положилъ руку на сердце, улыбнулся въ ошвѣшъ на ее улыбку, и ушелъ. Тогда было пяшь часовъ. Евгений

былъ голоденъ, и боялся опоздать къ обѣду, и эшо заставило его почувствовать, какъ пріятно развѣзжашъ по городу въ каретѣ. Онъ предался мечтамъ своимъ. Молодой человекъ его лѣтъ, пораженный презрѣніемъ, выходилъ изъ себя, бѣсился, грозилъ кулакомъ цѣлому обществу, думалъ о мщеніи; даже сомнѣніе вкрадывается въ его душу. А Распашнякъ былъ въ эшо время подавленъ словами—«Вы заперли себѣ входъ въ домъ графини.

—Пойду къ ней, говорилъ онъ самъ себѣ: а если Г-жа Босеанъ сказала правду, тогда я... я!... Графиня Ресто встрѣтитъ меня во всѣхъ господскихъ, куда она ѣздитъ. Я выучусь драться на шпагахъ, спрѣляпшъ изъ писмошеса, и убью ея Максима.

Пріѣхавъ въ улицу Св. Женевьевы, онъ опять очутился въ этой за-копѣлой споловой, гдѣ всѣ осьм-надцать жильцевъ и проходящихъ, какъ живошныя ждали корму. Зрѣ-лище этой нищеты и этой опвра-пительной компаніи показалось ему ужаснымъ. Переходъ былъ слиш-комъ быспръ, пропивоположность слишкомъ велика, чпобы не раз-виль въ немъ черезъ мѣру чувсшва чесшолобія. Съ одной спороны бле-спящіе, прелесшныя образы обще-спвенной жизни самой высокой, самой изящной; лица молодыя, пре-красныя, окруженныя роскошью и пышноспью; головки спрасшныя, исполненныя поэзіи; съ другой, опврапительныя, грязныя карши-ны, и хари, на кошорыхъ спра-спш, окончивъ свои предспавленія, оставили всѣ свои блски и веревки. Пасспавленія, извлеченныя у Г-жи

Босеанъ досадою женщины покинутой, льстивыя ея предложенія, пришли ему на память, а нищета сдѣлала на нихъ примѣчанія. Распиривъ рѣшился опкрыть двѣ спирашигическія параллели, чпобы достигнуть богашства и могущества, опираясь съ одной стороны на ученія, съ другой на любви,—сдѣлавшись ученымъ юриспомъ и вмѣспѣ свѣпскимъ молодымъ челоувѣкомъ. Онъ былъ еще совершенный ребенокъ.

—Вы очень мрачны, маркизъ, сегодня, сказала ему Вошрентъ, бросая на него взгляды, кошорыми, казалось, пронцалъ онъ все шайны челоувѣка.

—Я совсѣмъ не расположенъ спосиль шумокъ шѣхъ, кпо называетъ мѣся маркизомъ, опшѣчалъ

Евгеній. Здѣсь, чшобы бышь мар-
кизомъ, надбно имѣшь спо тысячь
дохода.

Воиренъ поглядѣль на него съ
видомъ опеческимъ и презришель-
нымъ, какъ-будшо хопѣль сказаць-
«Мальчишка! я разомъ проглочу те-
бя!» Попомъ онъ опвѣчалъ:» Вы се-
годня сердишы, попому чшо, вид-
но, сердце графини Ресшо недосшуп-
но вамъ.

—Она не велѣла пускашь меня къ
себѣ, сказалъ Евгеній, за шо, чшо я
сказалъ, чшо опецъ ея вмѣснѣ съ
нами обѣдаешъ.

Всѣ присудспвующіе взглянулись
между собою. Спарикъ Горіо попу-
пилъ глаза, и попомъ опвернулся,
чшобы оперешъ ихъ.

—Вы мнѣ запорошили глаза ша-
бакомъ, сказалъ онъ своему сосѣду.

—Кто обидишь Г. Горіо, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной, вскричалъ Евгений, смотря на того, кто сидѣлъ подлѣ лабазника: онъ лучше насъ всѣхъ!

Распшнѣякъ произнесъ эти слова съ такою рѣшительностію, что шушка прекратилась, и всѣ замолчали.

Одинъ Вопренъ сказалъ съ на смѣшливимъ видомъ:—Чтобы принять Горіо на свой счетъ, и сдѣлаться его оповѣщеннымъ издательствомъ, надобно умѣть хорошо драться на шпагахъ и спрѣлять изъ пистолета.

—Я и буду умѣть, оповѣчалъ Евгений.

—Такъ вы видно сегодня выступили въ походъ?

—Бышь-можешъ Но я не намѣренъ никому опдавашъ опчена въ дѣлахъ монхъ, попому чшо самъ не забочусь о помъ, чшо другіе дѣлаюшъ по ночамъ.

Вошренъ поглядѣлъ на него искоса.

Любезный мой, если не хопите принимашъ выпускныхъ куколь за людей, шо надобно совсѣмъ войши въ шалашъ, а не смошрѣшь сквозь щелки. Шу да на эпомъ разъ довольно! прибавилъ онъ, видя, чшо Распиньякъ сердился Мы съ вами поговоримъ объ эпомъ, когда вамъ угодно.

Обѣдъ сдѣлался унылымъ. Спарикъ Горіо, погруженный въ горесъ разсказомъ Роспиньяка, не понялъ, чшо всеобщее расположеніе къ нему измѣнилось, и чшо молодой чело-

вѣкъ, которъй въ состояніи прекрашишь всѣ преслѣдованія, принялъ на себя его защиту.

—Неужели же у старика Горю есть дочь графиня? спросила психолог Г-жа Воке.

—Одна графиня, а другая баронесса, опвѣчалъ Евгеній.

Распивьякъ былъ мраченъ: онъ размышлялъ о томъ, гдѣ и какъ достать ему денегъ, чтобы воспользоваться совѣтами Г-жи Боссанъ. Онъ задумался, когда пустыни передъ нимъ развернулись. После объѣда, его оставили одного въ споловой.

—Такъ вы видѣли дочь мою? сказалъ ему дрожащимъ голосомъ Горю.

Евгеній, пробужденный онъ задумчивости, взялъ его за руку, съ

чувствомъ посмотрѣлъ на него, и сказалъ:—Вы добрый и почтенный человекъ! После мы поговоримъ съ вами о вашихъ дочеряхъ.

Онъ вспалъ, не слушая болѣе старца, ушелъ въ свою комнату, и написалъ къ матери письмо, въ которомъ умолялъ ее прислать ему тысячу двѣсти франковъ, не сказывая объ этомъ отцу. Онъ говорилъ, что эти деньги необходимы, чтобы приличнымъ образомъ явиться при одномъ случаѣ, который долженъ ему открыть дорогу къ почестямъ и тѣмъ доставить возможность быть полезнымъ своимъ родителямъ. Онъ написалъ также къ обѣимъ сестрамъ, и заклиналъ ихъ подѣлиться съ нимъ своими деньгами, если у нихъ есть деньги. Чтобы онъ не говорилъ о пожертвованіи, онъ допронудся до спрунъ

чесши, копорыя такъ громко звучають въ юныхъ душахъ. Сердце сеспры алмазь чиспопы, бездна нѣжности. Онъ спыдился своихъ писемъ. Какъ пламенны будущъ ихъ желанія! Какъ чисты моленія, копорыя спашупъ онъ возсылають объ немъ къ небу! Какъ будепъ сокрушашься его машь, если ей не удастся прислать всю сумму? И всѣ эти прекрасныя чувствованія, всѣ эти пожертвованія должны послужить ему ступенями для того, чтобы добраться до Дельфины Нюсннгенъ? Нѣсколько слезъ, послѣдній онміамъ, брошенный на алтарь семейственной, выкапился изъ глазъ его. Онъ началъ ходить по комнашь, въ волненіи, исполненномъ опчаянія.

Горіо, видя, что дверь его не припворена, вошелъ въ его комна-

шу и спросилъ : — Чшо съ вами сударь?

— Я еще покуда сынъ и братъ , какъ вы отецъ, мой добрый сосѣдъ. Вы не напрасно боишесь за дочь вашу Анастасію: она опдалась одному Г. Тралю, и шопъ погубишь ее.

Горіо вышелъ, прѣбормошавъ нѣсколько словъ, копорыхъ Евгеній не понялъ.

На другой день Распиньякъ опдалъ письма свои на почшу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ пошелъ къ графинѣ Респю: его не приняли. Послѣ онъ ходилъ еще при раза, и ему всякой разъ опказывали, хопя онъ являлся всегда въ шакое время, когда Г. Максима Траля шамъ не было. Виконшесса сказала правду!

Спуденшъ больше не учился. Онъ ходилъ на лекціи только для того, чтобы записали его присутствующимъ, и пошчасъ уходилъ. Онъ, какъ и многіе другіе спуденшы, воображалъ, что можно лишиться два года и пошомъ въ прешій все выучишь и выдержашъ экзамень. Такимъ образомъ ему оставался годъ и при мѣсяца, чтобы плавать по Парижскому океану и ловишь счастье. Въ эту недѣлю онъ былъ два раза у Г-жи Босеанъ, приходя всякой разъ въ шу минушу, когда карета Г. Ажуда-Пиншо уѣзжала. Эта женщина, самая поэтическая во всемъ. Сень-Жерменскомъ предмѣспши, еще на нѣсколько дней осталась побѣдительницею, и заставила Г. Ажуда-Пиншо опложись свою женидьбу. По эти послѣдніе дни, которые пошому самому были очень пламенны, ускорили перево-

рошъ. Г. Ажуда и даже Рошгюды почипали эту размолвку и примиреніе счастливымъ случаемъ. Она надѣялась, что Г-жа Босеанъ привыкнешъ къ мысли о разрывѣ, а замѣнишъ одного любовника другимъ. Но между-тѣмъ она оспалась въ Парижѣ, и усердно помогала молодому своему родспивенику, къ которому возымѣла суевѣрную привязанность, попому что онъ показалъ ей участіе и преданность въ такую минушу, когда женщина ни ошъ кого не дождется испиннаго соболѣзнованія.

Чтобы вѣрнѣе приступишъ къ осадѣ Дельфины Нюсингенъ, Распиньякъ почель нужнымъ собрать предварительны свѣдѣнія о прежней жизни старика Горіо. Все что говорила объ немъ герцогиня Ланже, оказалось совершенно справедли-

ВЫМЪ: ОНЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛЪ ЛА-
БАЗНИКОМЪ, НАЖИЛЪ СЕБѢ ОГРОМНОЕ
СОСТОЯНІЕ, ПОРГУЯ ВО ВРЕМЯ РЕВО-
ЛЮЦІИ ХЛѢБОМЪ; ПОПОМЪ ЖЕНИЛСЯ
НА ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНѢ, ДОЧЕРИ
БОГАТАГО ОПКУПЩИКА, КОПОРАЯ
ОСТАВИЛА ЕМУ ДВУХЪ ДОЧЕРЕЙ. ОНЪ
ОБОЖАЛЪ ЭТИХЪ ДОЧЕРЕЙ, И ПО ЭПО-
МУ ВОСПИТАНІЕ ИХЪ БЫЛО ВЕСЬМА БЕЗ-
РАЗСУДНО. ИМѢЯ БОЛѢ ШЕСТИДЕСЯТИ
ТЫСЯЧЪ ФРАНКОВЪ ДОХОДА, ГОРІО ПРА-
НИЛЪ ДЛЯ СЕБЯ СОБСТВЕННО НЕ БО-
ЛѢ ТЫСЯЧИ ДВУХЪ СОТЪ ФРАНКОВЪ
ВЪ ГОДЪ, И ВСЕ СЧАСТІЕ СВОЕ ПОЛА-
ГАЛЪ ВЪ ТОМЪ, ЧТОБЫ УДОВЛЕНОВО-
РЯТЬ МАЛѢЙШИМЪ ПРИХОПАМЪ ДОЧЕ-
РЕЙ СВОИХЪ. ОНЪ НАНИМАЛЪ ИМЪ
САМЫХЪ ЛУЧШИХЪ УЧИТЕЛЕЙ; У НИХЪ
БЫЛА КОМПАЬОНКА, И КЪ СЧАСТІЮ,
ЖЕНЩИНА УМНАЯ И СО ВКУСОМЪ. ОНЪ
ѢЗДИЛИ ВЕРХОМЪ, ИМѢЛИ КАРЕНУ, ЖИ-
ЛИ КАКЪ ЛЮБОВНИЦЫ СПАРАГО БОГАЧА.
ИМЪ СПОШЛО ТОЛЬКО ИЗЪЯВИВЪ КА-

кое-бы ни было желаніе, хопя-бы оно обходилось чрезвычайно дорого, и отецъ поинчасъ удовлетворялъ его, и за всѣ свои пожертвованія требовалъ только одной ласки. Онъ славилъ ихъ несравненно выше себя самаго, и любилъ уже зло, которое онъ ему дѣлалъ. Достигнувъ приличнаго возраста, онъ могли выбрать въ мужа кого угодно, пошому что отецъ давалъ каждой изъ нихъ въ приданое половину своего имѣнія. Наспирька прельспила своею красошою Графа Респо и покинула родипельскій домъ, чшобы перейти въ сферу знаши. Дельфина, любившая блескъ и пышность, вышла за банкира Нюсингена, Германскаго уроженца и Барона Римской Имперіи.

А Г. Горіо былъ лабазникомъ и осшался лабазникомъ. Зяпьямъ его

скоро не повравилось, что онъ продолжаетъ заниматься торговлею, хотя въ Эпомъ прошла вся жизнь его. Терпѣвъ два года ихъ непрерывныя наспоянїя, онъ согласился бросить дѣла купеческія, и оспался при томъ, что выручилъ за проданныя лавки, и при барышѣ прїобрѣшенномъ со времени замужства дочерей, что составило капиталъ, приносящій ошъ восьми до десяти тысячъ дохода, по расчетамъ Г-жи Вокс, у которой онъ пошчасъ поселился. Горіо рѣшился переѣхать къ ней съ опчаянїя, видя, что зятья принудили его дочерей не только не держать ошца у себя, но и не принимаять его при людяхъ. Бѣдный Горіо!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.